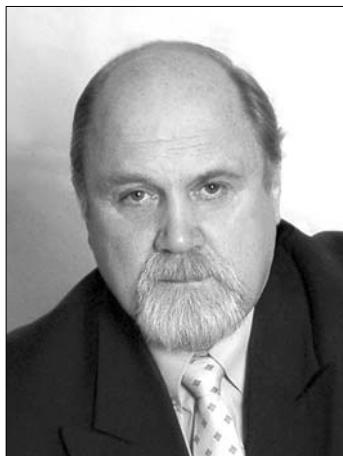

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

КОНЬ НА F6

ПОВЕСТЬ

Сейчас, когда жизнь подходила к развязке и когда стало очевидным, что он так и не был счастлив после Анны ни с одной женщиной, Быков всё чаще перебирал в памяти те чувства и те тёплые мелочи любви, которые оказались главными в его жизни. “Что же это всё-таки было?” — задавал он себе вопрос. И почему он оказался так слеп, эгоистичен и глуп, что не сумел понять, что это был единственный шанс, когда Бог послал женщину, которая ему предназначалась? Всё чаще в его памяти всплывало всё, что связано с ней: знакомство, шалый поцелуй на людях, встречи под кронами каштанов, море, отрывки разговоров, её зовущее, пахнущее миндалём тело, её любовь, похожая на служение, и его заносчивость, щепетильность и холодный расчёт, в котором “математика” победила сердце.

Июнь семидесятого оказался замечательным. Солнце палило в Москве нещадно, а в Сочи и того сильнее. Уже в аэропорту от шеи к торсу у Быкова поползла потная испарина, заставившая срочно снять пуловер и остаться

ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ Валерий Александрович родился в 1943 году в Никологорске Ивановской области. Окончил Рижское художественное ремесленное училище, театральное училище им. Щукина, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Виктора Розова). С 1966 года по 1977-й — ведущий артист Московского театра на Таганке. С 1979-го по 1982 год — главный режиссёр академического театра им. Лермонтова в Алма-Ате. Автор нескольких книг прозы. Многолетний ведущий телепередачи “Искатели” на Первом канале. Лауреат Всероссийских конкурсов артистов-чтецов. Секретарь правления Союза писателей России, ответственный секретарь по связям с общественностью РОО МГО СП России, заместитель руководителя международного отдела МСПС. Вице-президент Петровской академии наук и искусств. Заслуженный артист России.

в футболке. Устроившись в номере гостиницы, он разделся и прямо в плавках побежал на пляж. На лифте спустился к морю и направился в четвёртую секцию: там была пометка: “Без детей”. Пляж был галечный, даже через сандалии он чувствовал, как нагрета поверхность гальки. Море было тёплым, ласковым, и Быков сразу повеселел. Вышел из воды бодрым, все мышцы гудели от счастья. Он поиграл бицепсами, стряхнул воду и, улынувшись небу, вдруг почувствовал себя абсолютно счастливым. Неожиданно на него натолкнулась целая группа молодых женщин, которые гурьбой шли вдоль пляжа. В одну секунду он попал к ним в окружение. Они хохотали и с любопытством его рассматривали.

— Смотрите, девчата, какой поплавок из воды вышел! — выкрикнула одна, коротко стриженная блондинка, ближе находившаяся к парню, который в единственном числе сопровождал женскую компанию. Присмотревшись, Быков заметил, что вся шумная компания навеселе. У единственного парня — худого и гарцующего перед женским взводом — в руках была бутылка шампанского. Одна из женщин — красивая, губастая, с длинной косой на спине — выхватила у парня бутылку и протянула её Быкову.

— Присоединяйтесь! А то у вас на коже мурашки.

Парень крикнул:

— Допивайте, мы сейчас по дороге ещё возьмём.

Все с нетерпением уставились на Быкова, и он большими глотками допил тёплое шампанское. Кто-то из девушек прихватил его за руку, другая рука дружески толкнула вперёд, и он, согретый солнцем, вниманием и вином, пошёл с незнакомой компанией по пляжу. Вскоре выяснилось, что все они из детского театра. Одно личико он вспомнил по известному кинофильму. Её первой и представил Эдик, по всей видимости, близкий друг одной из актрис, которая тотчас командным тоном заставила парня представить всю компанию. Так они шли и, шумно общаясь, весело и безобидно обсуждали прохожих, которые давали повод посмеяться. Наконец впереди, как из тумана, нарисовалось пляжное кафе “Палуба”, где Эдик прихватил ещё шампанского и предложил приземлиться за столом, который был неподалёку от кафе. На это раз у него оказались пластмассовые стаканчики, которые он поочередно раздал каждому.

— Быков, — по фамилии обратился Эдик к Борису, — открывай бутылки и погналки — каждому по глотку.

Борис открыл шампанское и стал разливать в протянутые стаканчики. Пена заливала руки каждой из желающих выпить, но это лишь добавляло веселья. Когда две бутылки уговорили, вся компания поочередно стала травить анекдоты и подкалывать друг друга. Не трогали только героиню фильма, она среди всех была неприкасаемой. Быков обратил внимание, что все актрисы были хорошенькими и какими-то миниатюрными. Наверное, такие актрисы как раз и нужны для детского театра, где многим приходится играть мальчишек. И только одна из них, та, что с косой, первая подавшая ему шампанское, не подходила под стереотип тюзовской актрисы. Она была выше ростом, прекрасно сложена и, не сводя с него глаз, улыбалась ему белозубым ртом. Её звали Аня Тарасова.

— А я — Борис Быков, сокращённо ББ, как меня зовут друзья.

— Чем занимаетесь?

— Недавно ещё химией, — Борис покрутил пластмассовый стаканчик, — вот пластмассовым производством, но мечтаю перебраться в театр.

— Химией? А как сюда попали? Это же специфический санаторий.

— Попал по знакомству. У меня есть театральные друзья — устроили.

— Скажите — знакомая. Вероятно, соблазнили какую-нибудь актрису, пообещали на ней жениться, а потом бросили и, получив от неё путёвку, приехали на поиски новых жертв? Разве не так?

— Вы экстрасенс? — обомлел от удивления Быков.

Он перешёл на шёпот и признался:

— Да, именно так и было. Или почти так. С той только разницей, что она здесь, в санатории, с подругами из Большого театра.

— Большому больше всех путёвок дают, вот вы и просочились, товарищ ББ, — улыбнулась Аня и громко объявила: — А наш дорогой гость, оказывается, химик.

Все уставились на Быкова в недоумении.

— Не верю, — ехидно встрял Эдик. — Я долгие годы занимался химическим производством, можно вопросик? — Стало понятно, что за короткий срок Эдик успел приревновать Быкова, на которого начала пялиться половина его “гарема”. Эдик смял пластмассовый стаканчик и потом снова его расправил. — Вопрос на засыпку: где и когда изобрели это чудо?

Он поиграл на ладони мятым стаканчиком и переложил его в руки Бориса. Тот сделал паузу и предложил:

— Если я правильно отвечаю, то вы, Эдик, продолжите нас угощать.

Эдик засмеялся и с вызовом ответил:

— На спор ставлю две бутылки коньяка, что ты не ответишь на этот вопрос.

— А где будем выпивать? — самоуверенно парировал Борис, оглядывая всю компанию и глядя снисходительно на Аню, сдавшую его на испытание новым знакомым. Он вернул смятый стаканчик Эдику и окинул всех интригующим взглядом. — Рецепт производства пластиковых стаканов изобрёл американский бизнесмен Уильям Дарт.

Вся компания притихла и внимательно уставилась на оратора. Эдик, игравший на ладони стаканчиком, неожиданно стиснул его, смял и швырнул в песок.

— Однажды этот самый Уильям Дарт разбил стеклянный стакан, сидя в ресторане, и очень обиделся, когда официант включил стоимость дорогого стакана в счёт, — продолжал Быков. — Тогда американца осенило: нужно, чтобы посуда не билась и была так дешева, чтобы её можно было смело выкинуть после трапезы... Сейчас корпорация Dart Container Corporation контролирует треть рынка одноразовой посуды в Америке, ежегодная прибыль компании — миллиарды долларов. Корпорация очень долгое время держала в секрете рецепт, но я его узнал. Если хотите — могу всё рассказать по формулам, но это займёт много времени, а так хочется после шампанского коньяку, тем более время приближается к обеду.

Через паузу всё окружение заплодировало и уставилось на Эдика. Он снисходительно улыбнулся, но тотчас ответил:

— Не ожидал. Молодец! Всё правильно! Формул не надо, идём в ресторан, два коньяка с меня.

И тут совершенно неожиданно Аня схватила голову Быкова руками и поцеловала его в губы.

— ББ — победитель!

Все двинулись в обратном направлении, шумно обсуждая спор и с уважением поглядывая на Быкова. В ресторане интерес к Быкову возрос. Однако Аня внезапно и без видимых причин перестала ему уделять внимание. Он занервничал, стал банальнее шутить и постепенно переключился на киногероиню, которая охотно стала кокетничать с новоиспечённым знакомым. Её звали Джемма. На вопрос Быкова, почему так изменилось поведение Анны, она ответила без стеснения:

— У неё драма в личной жизни: муж ушёл к другой. Он известный музыкальный режиссёр и, снимая фильм о знаменитом дирижёре, закрутил роман с его женой. Та потребовала, чтобы режиссёр развёлся, что он, как дурак, и сделал, но та поиграла с ним и векоре бросила. Тогда он попробовал вернуться к Анне, но получил отпор, и она вот уже три месяца находится в подвешенном состоянии.

Когда посиделки в ресторане закончились, Быков хотел проводить Анну, но та отказалась и направилась в гостиницу с Джеммой, захватив с собой бутылку вина.

С утра, возвращаясь к воспоминаниям о знакомстве на пляже, Борис уже трезвее взглянул на всё и особенно на холодность девушки после страстного поцелуя. Ну, понравилась, но не все же должны бросаться к тебе,

красавчику, на шею и отвечать взаимностью. Женщин в санатории предостаточно, и на его удочку что-нибудь да поймается.

Первую неделю он каждое утро бегал к морю, охотно купался, загорал, играл в волейбол, а к вечеру, устав и насладившись солнцем, водой и воздухом, засыпал у себя в номере как убитый. И вдруг в санатории открылся вечерний бар, куда зачастило большинство отдыхающих. Под разные коктейли и чистые напитки отдыхающие легко знакомились, и вечерние пиршества перерастали в утренние прогулки и даже совместный отдых. Быков не стал исключением. Вначале это были две армянские певицы, певшие дуэтом, они не прочь были улечься с ним сразу обе. До такого самообразования Быков ещё не дошёл, поэтому быстро это общение прекратил. Потом он сблизился с завлитшей провинциального театра, она читала ему свои стихи самого разнузданного содержания. Но когда они уединились в её номере, вся поэзия улетучилась. Далее всё развивалось по нисходящей. Пережив ещё одно довольно пресное приключение, Быков решил завязать с бабами и больше не появляться в баре. В конце концов, надо отдыхать, решил он, не просыпаться же каждый день с утра с нездоровой головой и сожалениями, что молодость проходит впустую.

Однажды, играя на пляже в волейбол, Быков познакомился с мхатовским актёром, который предложил ему шахматный турнир из пяти партий с призом: ужин в ресторане, оплаченный проигравшим. Весной того года в Белграде проходил так называемый матч века — сборная России против сборной мира, шахматы были в фаворе, отдыхающие до сих пор горячо обсуждали партию, в которой за шестнадцать ходов Спасский разгромил самоуверенного датчанина Ларсена. Быков прилично играл в шахматы и согласился на предложение одного мхатовца устроить матч. Этот мхатовец оказался не только актёром, но и режиссёром телевидения, известным человеком. За день до первой игры Борис тайно взял в библиотеке “Сто партий Кереса”, просмотрел несколько дебютов и, остановившись на защите “Кара-Канн”, заготовил для противника несколько ловушек. Турнир назначили на время после обеда. К началу первой партии собралось немало болельщиков. Мхатовец, делая ходы, вскользь посматривал на своих знакомых, с трудом сдерживался от комментариев, когда Быков делал неверный ход и, в конце концов, первую партию легко выиграл. Вечером в баре, празднуя победу, он заявил, что счёт будет, как у Бобби Фишера с Марком Таймановым.

— Я дам химику ещё одну “контровую” и сделаю счёт 6:0. Я из тех шахматистов, которые варианты не считают, я их вижу.

О пижонстве противника Быков узнал в тот же вечер. Его это задело, но не обескуражило. В баре он не появился, а наутро отправился в соседний дом отдыха “Волна”, где с одиннадцати утра проходил шахматный турнир. Потолкавшись среди зевак, он натолкнулся на одну участницу турнира по имени Гера, очень неплохо игравшую, и предложил сыграть партию, она удивилась.

— А почему вы у себя в санатории не устроите турнир?

— Как раз вчера начался турнир, и я его участник.

— И сколько народа участвует? — спросила она.

— Двое, я и актёр Шабанов.

— Тот самый Шабанов? Он что, хорошо играет в шахматы?

— Да, и первую партию я ему проиграл.

— А-а, так вы хотите, чтобы я вас потренировала?

— Что значит потренировала? А вдруг я хорошо играю и у вас выиграю.

— Простите, какую партию вы вчера играли? “Английское начало” или, положим, “Защиту Нимцовича?”

— Я играл “Кара-Канн”, — с гордостью ответил Быков.

— Белыми?

— Белыми.

— А какой четвёртый ход вы сделали: пешкой или слоном на Б6?

— Кажется, слоном.

— Это была ошибка. Надо была играть пешкой, потом выводить коня и только потом слона на В6, затем должна была быть рокировка. Вот так игралось продолжение защиты “Каро-Канн” в партии Кереса на турнире в Амстердаме 1956 году. Так что, сделав первые грубые ошибки в дебюте и дав инициативу чёрным, вы, естественно, проиграли.

Быков понял, что играть с этой зверюгой бессмысленно и опасно. Проигрыш и без того сказался на его настроении, проигрывать второй раз он не хотел. Шахматный кураж у него внезапно исчез, а Гера, взяв Быкова под руку, подвела его к свободному столу, где были расставлены шахматы, начала его учить. Оказалось, она кандидат в мастера спорта по шахматам.

На вторую партию Шабанов пришёл с небольшим опозданием и стал играть без особого настроения. Вскоре он потерял пешку, потом коня и признал себя побеждённым. Счёт сравнялся. Противники сговорились играть третью партию через день.

На следующий день Быков засел за книгу гроссмейстера Кереса и стал разбирать его партии. Проведя для пользы дела за шахматной доской целый день, он на завтра выиграл третью партию за двадцать ходов. Окружение и болельщики мхатовца были разочарованы, и среди них даже появились люди, которые с симпатией стали относиться к крепьшу химику, как они звали Быкова за глаза. Четвёртую партию Быков играл, находясь в такой эйфории, что не заметил, как после нескольких ошибок признал себя побеждённым. Решающая, пятая партия собрала много болельщиков. Большим кольцом они окружили шахматный стол и с трудом сдерживались, когда противники делали ходы.

Борис заметил, что среди присутствующих появились и его знакомые — Эдик и актрисы. Анны среди них не наблюдалось. Партия шла с явным преимуществом Быкова, но вдруг один неверный ход резко изменил ситуацию. Положение белых оказалось сложнее, чем Быков предполагал. Он надолго задумался, не зная, какой ход сделать. Эдик, нагнувшись к доске и внимательно приглядевшись к позиции, вскинул выразительно руки, делая вид, что у Быкова положение — хуже некуда. Далее он протиснулся через группу болельщиков и ещё раз, уже в отдалении, вскинул так же руки вверх. И вдруг рядом с Эдиком Быков заметил Анну. Она демонстративно сняла блузку, развернулась к Эдику, и он, нарисовав что-то на её груди, развернул Анну в сторону Быкова. На груди красным цветом был записан ход конём, о котором Быков вообще и не думал. Аня быстро, как в театре занавесила грудь голубой блузкой и помахала Быкову, придав ему такую энергию, что он сразу увидел все плюсы начертанного хода. Оглядевшись по сторонам, не видел ли кто подсказку, сделал ход конём. Кто-то из толпы поощрительно вздохнул, и начался общий одобрительный гул. Дальше партия у Быкова пошла как по маслу. Шабанов ещё сопротивлялся, в какой-то момент неожиданно предложил ничью с идеей сыграть ещё контровую шестую партию, но Быков не согласился, и, наконец, мхатовец признал своё поражение. Болельщики устроили обоим шахматистам овацию. Взглянув на часы, проигравший объявил:

— Ужин в санатории отменяется. Встреча продолжится в ресторане. Встречаемся в семь. Столик будет на четверых, так что советую пригласить близкого друга или подружку.

Едва выйдя из цветочного магазина, Быков сразу натолкнулся на Анну. Она почему-то смугилась, а он протянул ей букет:

— Это вам за подаренного коня.

Она забросила свою длинную косу за спину и, улыбнувшись, спросила:

— А откуда вы знаете, что я люблю хризантемы?

— Видимо, потому что у дураков и у влюблённых мысли сходятся, — вышалил он, вручил Анне цветы и неумело поцеловал её руку.

— Спасибо! Поздравляю вас с победой в турнире. Весь санаторий восхищается вами, ББ. Я тоже из тех, кто обрадовалась вашему успеху.

— Неужели? — недоверчиво спросил он.

— Да, обрадовалась, потому что Шабанов большой балабол и любитель выпендриваться. Кстати, я хочу вам сделать подарок в честь вашей победы.

Она достала из небольшой сумочки пакет и смущённо вручила его Быкову.

Он открыл пакет и увидел резиновую шапочку для купания и очки для плавания под водой.

— Спасибо, — пересохшим от волнения ртом пробасил он и быстро поцеловал Анну в щёку.

Она ещё больше смутилась. Он спросил:

— По-видимому, это какой-то символический подарок. Наверное, это намёк, чтобы я занялся подводным плаванием? Не так ли?

— Нет, это, чтобы вы берегли ваши волосы. Вот у меня крепкий и толстый волос. Мы, Тарасовы, сроду такие. А у вас, как у всех блондинов, волос тонкий, ломкий, поэтому эту красоту надо беречь. Вон у вас уже намечаются небольшие залысины, а вода здесь не только солёная... Чёрное море представляет собой бомбу замедленного действия, готовую разорваться в любой момент. Всё дело в сероводороде. Вы же химик и должны знать это лучше, чем я. Принюхайтесь, когда вы плаваете, чем пахнет вода?

— Сказать правду? — лукаво спросил он.

— Можете не говорить, но знаю, что догадываетесь. Поэтому плавайте в шапочке, всё-таки это спокойнее.

— Для кого спокойнее?

— Для ваших поклонниц.

— А вы, Аня, будете спокойнее? — всё самоувереннее допрашивал Быков.

— Раз я позаботилась о вас, значит, и я буду спокойнее.

— А мне будет спокойнее, если мы перейдем на “ты”. Можно?

— Хорошо, будем на “ты”. Я согласна.

— А какое, Аня, у тебя отчество?

— Я Анна Ивановна.

— Ты на кого похожа? На папу или на маму?

— Больше на папу.

— Он какой был?

— А зачем тебе это?

— Мне интересно всё, что с тобой связано.

— Мой папа был высокий, стройный, красивый, доброжелательный, обаятельный и сознающий своё обаяние — он был весь, как бы это лучше сказать, как эlegantная пружина. А мама была хорошей артисткой “Ленкома”, сейчас вместе со мной воспитывает мою дочку. Я здесь, а она в Москве с Дашей. Что ты ещё хочешь узнать?

— Я хочу знать, можешь ли ты составить мне компанию по случаю моей победы? Шабанов пригласил меня с близким другом на банкет по случаю завершения нашего турнира. Ну, так как?

— Хорошо, только мне надо переодеться.

— Зачем? Ты и так хороша.

— Нет, я хочу быть ещё лучше. Тем более я ещё приготовила тебе один подарок.

Быков задумался, словно пытаясь понять, что за подарок его ждёт.

— Не ломай голову, это книга о театре. В общем, статьи одного известного в прошлом режиссёра. Ты же сказал, что будешь куда-то поступать в театральное?

— Да, есть мечта поступить на режиссуру. Очень люблю оперу, мечтаю поставить “Маскарад”.

— Но оперы “Маскарад” не существует.

— Я мечтаю о композиторе, который напишет оперу “Маскарад”, а я её поставлю.

Они пошли в гостиницу, и Быков стал увлечённо рассказывать о своей будущей постановке. Пятьдесят четвёртый номер, в котором она жила, располагался на пятом этаже. Перед тем как уйти, она благодарно прижала цветы к лицу, кивнула ему и, сказав: “Я быстро!” — направилась в свой номер. Быков, счастливый и до крайности возбуждённый, остался в коридоре. Её не было минут двадцать. Он уже начал нервничать. Но когда она,

переодетая, красивая, длинноногая, вышла из номера в коридор, Борис ахнул. Такой красивой женщины он до сих пор не видел.

Ресторан был забит до отказа. Но предусмотрительный мхатовец сделал заказ ещё днём, сразу после проигранной партии. Все четверо встретились у входа. Молодой официант — грузин с шапкой волос и узенькими усиками — провёл их к заказанному столику. С Шабановым пришла на банкет балерина из Большого театра. Когда-то эта Лена была любовницей Быкова. Она сразу предложила игру “в незнакомых”. Борис это понял и сделал вид, что видит свою бывшую возлюбленную в первый раз. Шабанов, в свою очередь, откровенно сообщил, что одолжил Лену у своего приятеля, который простыл и температурит. Приятелем был режиссёр из театра Станиславского и Немировича-Данченко, с которым у Лены намечались какие-то отношения. На удивление, женщины сразу понравились друг другу и принялись щебетать между собой, перескакивая с темы на тему. Мужчины, наоборот, пока не выпили водки и хорошо не закусили, говорили мало и неохотно. Видно было, что осадок от борьбы ещё не прошёл, и победа одного совсем не радовала другого. Видя, что разговор у мужчин не клеится, Аня вспомнила о “Маскараде” Лермонтова и поинтересовалась у Шабанова:

— Владислав, не было ли попытки кем-то из композиторов написать оперу по лермонтовской драме “Маскарад”?

Шабанов тут же оживился и выложил целую историю, связанную с “Маскарадом”. Оказывается, оперу до сих пор никто не сочинил, это дело будущего, а вот музыка к вахтанговскому спектаклю “Маскарад” была написана Хачатуряном. Тут мхатовец сделал интригующую паузу и сообщил:

— Как всегда, отличился мой театр. Музыка Хачатуряна была использована в пьесе Бориса Лавренёва “Лермонтов”, поставленной у нас Раевским и Станицыным в пятьдесят четвёртом году.

— Это тот Раевский, который руководит кафедрой в ГИТИСе? — спросил Быков.

— Да, я у него учился. Иосиф Моисеевич Раевский — изумительный режиссёр и педагог. Он был ассистентом ещё у Немировича-Данченко. А что, хотите заняться театром?

— Хочу в следующем году поступить в ГИТИС на режиссёрский факультет. С химией покончено.

— Если что, поможем.

— Спасибо, но в таких вопросах помощь похожа на протекцию. Не хочу, как у Грибоедова: “Три года не писал двух слов! И грянул вдруг, как с облаков”.

— Похвально! — снисходительно улыбнулся Шабанов и обернулся на микрофон, в котором прозвучал голос молодого парня из администрации ресторана:

— Внимание, внимание! Сейчас я подойду к каждому столику, и любой, кто пожелает, может высказаться, спеть, что-нибудь процитировать. Строгое жюри определит победителя, которому будет вручён приз.

Начался немудрёный концерт. На дальних столиках кто-то спел романс, многие рассказывали какие-то истории. Елена из детского театра вскочила, встала на носочки и сделала несколько красивых фуэте, которые зал встретил аплодисментами. Когда микрофон дошёл до Владислава, он сказал:

— Полезный совет гостеприимным хозяевам: если к вам пришли гости, и вы поставите на стол хрен, тогда никто не сможет сказать, что у вас на столе ни хрена не было. А если вы поставите хрен в нескольких видах, тогда можно сказать гостям: какого хрена вам ещё нужно?

Зал жидко зааплодировал, и даже кто-то свистнул. Выручая нового приятеля, микрофон перехватил Быков:

— Если кто-то из присутствующих угадает, откуда цитата, с меня бутылка любого напитка. Готовы? Итак: “Я предчувствую, что русские когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей, пристыдят самые просвещённые народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твёрдой и громкой славы”.

Со всех сторон стали раздаваться голоса, называющие Пушкина, Карамзина, большая часть гостей сошлась на Ломоносове. Неожиданно микрофон снова взял Шабанов и, перекрывая шум, выкрикнул:

— Пётр Первый!

— Правильно! — отозвался Быков. — Что желаешь в награду?

— Коньяк!

— Идёт! Ставлю коньяк.

Зал откликнулся дружными аплодисментами. Молодой человек хотел уже перейти за другой столик, но Быков его остановил:

— Подождите, у нас за столом ещё одна девушка, может быть, она сочтёт нужным тоже что-нибудь сказать. — Он передал Анне микрофон и торжественно устался на неё. Та вскинула бровь:

— Я хочу прочитать одно произведение о любви. Но только не здесь, за столом, а на сцене. Там ведь есть микрофон?

Кто-то из оркестрантов крикнул:

— Здесь четыре микрофона, для любви больше чем достаточно.

Такой смелый поступок всем показался вызовом, и в зале мгновенно возникла тишина. Анна подошла к микрофону и обратилась к залу:

— Скажите, пожалуйста, в зале много влюблённых? Поднимите руки. — На удивление больше половины зала подняли руки. — Тогда вы меня поймёте. Я не буду называть произведение, я только верну ваше сознание и память к той героине, которая, по словам Достоевского, воплощает характер русской женщины.

Она вскинула руки, потом как-то молитвенно сложила их и негромко, но отчётливо стала читать письмо Татьяны к Онегину. На десятой строчке в оркестре заиграла скрипка, негромко в унисон зазвучал рояль. От неожиданности Аня растерялась, но тотчас это придало ей новые силы. Голос её зазвучал сильнее, и она, овладев собой, продолжила. Когда она закончила, стояла небывалая для ресторана тишина. И вдруг раздались аплодисменты, грянул оркестр, и молодой человек, поднявшись на сцену, вручил ей громадную морскую раковину и букет красных роз. Когда она упругой походкой шла к своему столу, её провожали аплодисменты и восторженные взгляды мужчин. На столе уже красовался коньяк, и, наполнив рюмки, все выпили за её успех. Быков письмо Лариной Онегину воспринял на свой счёт и не сводил с Анны влюблённых глаз. Шабанов сказал, что это было великолепное напоминание о том, как могут любить русские женщины. Загремел оркестр, объявили белый танец, и тут неожиданно к их столу подошла девушка в очках с увеличенными линзами:

— Борис, можно вас пригласить?

Он узнал Геру и с какой-то глупой ухмылкой пошёл танцевать. Сообщил ей, что турнир он выиграл и благодарен за ту полезную тренировку.

— Вы не мне должны быть благодарны, а вот той женщине, которая сидит рядом с вами. Я видела, как на её груди был написан правильный ход конём на F6. Эта подсказка решила партию в вашу пользу.

Быков почувствовал укус змеи, мгновенно хорошее настроение улетучилось, и он боязливо оглянулся — не услышал ли кто-нибудь это ядовитое шипение?

— Я собираюсь сделать именно этот ход! — воскликнул он грубо и громко.

Но не тут-то было, Гера ничуть не собиралась уступать. Она, как Незнакомец в драме Лермонтова, продолжила свою линию:

— Да ладно вам, я видела, как вы хотели пойти пешкой. Ещё во время нашей тренировки я заметила, что вы больше всего любите пешки. А выигрывают всё-таки крупные фигуры.

После этих слов она вскинула на Быкова глаза, и он увидел, как нескрываемая месть блеснула в них за неблагодарность и невнимание к ней за всё время их короткого знакомства. Эта худющая, бестолково одетая девица в громадных очулярах словно специально появилась в ресторане, чтобы наступить ему прямо на сердце, которое весь этот вечер ликовало от того, что оно принадлежит победителю. В следующую минуту он перестал танцевать

и, спросив, где её стол, отвёл Геру на место, где её поджидал худой, в таких же окулярах юноша, похожий на молодого Таля.

Борис вернулся к столу, за которым в одиночестве сидела счастливая Анна. Когда он присел, она с некоторой интригой приоткрыла сумочку и достала губную помаду. Повертев чёрный тюбик помады у него перед носом, Аня нарисовала губы и, рукой не прикасаясь к платью, написала в воздухе всё тот же роковой ход конём на F6. Лицо Быкова подёрнулось судорогой. Он оглянулся, не заметила ли Гера за дальним столом этот жест, и резко встал.

— Извини! — почти крикнул он. — Мне надо срочно выйти.

Он вышел из ресторана, подышал свежим воздухом, потом заглянул в бар и выпил нехарактерный для него напиток — джин с тоником. Всё это время он не мог успокоиться. Борис давно замечал, что когда он в чём-то внезапно проваливался, его уязвлённое самолюбие неудержимо толкало его к жесткости, бесцеремонности и нежеланию считаться с чьим-то мнением. Нередко это приводило к тому, что у него гасла потребность в близких отношениях с друзьями и с женщинами. Появлялись деспотизм, болезненное стремление к власти и управлению другими людьми. Вот почему он всё больше манировал работой в лаборатории НИИ и мечтал о режиссёрской профессии. Ему казалось, что работа химика даже в этимологическом смысле вызывает у людей раздражение, зато творчество режиссёра — это та область, в которой его неуёмный характер найдёт полное применение. Для него всё только начиналось. Ему ещё предстояло узнать, что без любви к людям в этой профессии делать нечего и успеха не добиться. Но всё это понять сейчас он не мог, главная ломка была впереди, и к ней он был абсолютно не подготовлен.

Вернувшись в ресторан, Быков стал напиваться, время полетело быстро, и вот уже Шабанов расплачивался с официантом. Когда они вышли из ресторана, внезапно подувший с моря ветер напомнил им, что они на отдыхе, что впереди ещё масса времени и что такие посиделки хоть и нужны, но всего лишь трата времени на фоне сочинской погоды и окружающей красоты. Всюду по периметру ресторана и дальше по дороге к морю горели фонари, мелькала реклама, было светло, как днём. Только когда они подошли к дендрарию, а потом неторопливо двинулись по тёмной аллее, окутанной кронами каштановых деревьев, все почувствовали, что стало прохладно. В темноте Быков тихо прошептал Анне строчки из лермонтовского “Маскарада”:

— “Невесело, согласен, в час такой, / На место пламенных объятий, / С холодной встретиться рукой...” На её многозначительное: “Неужели?” — Быков уверенно обнял Анну и почувствовал, как легко она отозвалась и тесно прижалась к нему.

Недолго постояв у входа в гостиницу, пары распрощались и пошли в разные стороны. Перед уходом балерина неуклюже намекнула, что заглянет к нему в номер посмотреть, как он устроился, но Быков сделал вид, что не понял, и, недоумевающе пожав плечами, предложил Анне продолжить шахматные торжества в баре. Ещё в ресторане Анна догадалась, что Быкова связывают с балериной особые отношения. Поэтому интимный намёк Лены встретиться с Быковым Анна поняла по-своему и приготовила встречный план. В баре оказалось много народа. Было накурено и душно. Многие танцевали под немудрёный магнитофон, стоявший на стойке бара. Борис заказал бутылку вина и фисташки. В углу зала они заметили два свободных места и, пробравшись мимо танцующих пар, удобно устроились. Вокруг было шумно, весело, а они в этой яростно отплясывающей толпе впервые оказались наедине. По её первым словам и мутным от счастья глазам Быков сразу всё понял — Аня влюбилась. Это сразу придало ему уверенность. Возникло то чувство, которое ни с чем не спутает в отношениях с женщинами ни один мужчина, — родилась власть над нею. Уже с первого бокала он понесло. В памяти всплыли какие-то фрагменты из авторов, которых он читал в пору увлечения психоанализом. Он заговорил о свыше предназначенном единстве между мужчиной и женщиной. При этом упрекал особенно долго живущих в браке в том, что при продолжительных отношениях люди из-за

мелочей подавляют друг друга. Глядя ей в глаза и не отпуская руку, он внушал, что любовь — это то единственное, чего жаждет каждое человеческое сердце, не зная до конца, с чем предстоит иметь дело.

— Любовь, — говорил он, — как будто выжигает наш сосуд, освобождает от лишнего. Она помогает нам измениться и показывает, что нам, в конце концов, мешает войти в Единство. Единство — вот что нам нужно.

Когда они начали танцевать, Аня перестала сдерживать себя и всё сильнее прижималась и безотчётно, как кошка, тёрлась об него, и, не сопротивляясь, дала себя поцеловать на виду у всей веселившейся компании. В тот момент, когда Быков понял, что власть его безраздельна, он сказал:

— Пойдём ко мне.

— А если Леночка заглянет тебя проведать? — ревниво ответила она. — Нет уж, мы пойдём ко мне! — и отчаянно поцеловала его в губы.

Они торопливо пошли на пятый этаж, в пятьдесят четвёртый номер. В номере она сдёрнула с кровати тонкое покрывало и быстро шмыгнула в ванную комнату. А он сел на кровать и стал раздеваться. Через несколько минут она появилась с распущенными волосами, в белой, сделанной из покрывала тунике, ловко подпоясанной каким-то ремешком, и грациозно села ему на колени. Одним движением он встал вместе с ней и, бросив её на постель, сорвал тунiku, стал её целовать, чувствуя, как пахнет её тело минда-лём и как неподдельно дрожит в его руках. Когда он вошёл в неё глубоко и удобно, она стала шептать:

— Да! Да! Вот так!

Потом был смех и игривые слова:

— Это ход, ход конём!

И опять милый смех! Всё длилось долго, несколько раз, и при этом не было никакой усталости, лишь нарастала уверенность, что их встреча и близость не случайны, она кем-то предназначена свыше. В какой-то момент она собрала обеими руками свои груди и с гордостью воскликнула:

— Целуй их, на них есть ещё помада, которая принесли тебе победу!

Эти слова, как укол, мгновенно поменяли всю картину. Он дёрнулся, словно его ударило током, а она, почувствовав, что он ускользает, крепко схватила его за спину, чтобы он не вырвался. Через секунду она поняла, что совершила какую-то оплошность, стала его целовать, но он уже оторвался от неё и встал. Магия мгновенно закончилась. Он натянул плавки, потом надел джинсы, футболку и открыл холодильник. Там стояла початая бутылка вина, и он стал его пить. Вино было холодным и безвкусным. Он посмотрел на этикетку: “Рислинг”. Быков разлил вино в стаканы, стоящие на круглом столе. Затем, ударив своим стаканом о другой, предназначенный ей, он одним махом, большими глотками выпил эту кислятину. За всеми его действиями Анна, лежа в постели, следила непонимающе. Затем с поджатыми от обиды губами молча закуталась в простыню, собрала свои в спешке разбросанные вещи и надолго ушла в ванную. Не дожидаясь её, Борис оделся и ушёл.

Следующие два дня они не виделись. Быков нарочно завтракал позже всех, обедал и ужинал раньше всех, а на пляже появлялся лишь для того, чтобы сделать заплыв и уйти в свой номер читать. С Анной виделись мельком, и оба отворачивались друг от друга.

На третий день Борис снова первым пришёл на обед, и тут к нему за столик подсел старичок в парике, делавшем его похожим на старушку, представился критиком Леоном Моисеевичем Даевским и вдруг стал экзаменовать его по части театральной культуры. Видел ли молодой человек классические спектакли МХАТа, читал ли он прекрасные статьи какого-то Маркова... Быков мгновенно вышел из себя. В таких случаях он никогда не испытывал почтение к возрасту и шёл напролом. Почти без пауз он задал встречный вопрос:

— А вы знаете такого немецкого химика-органика Отто Валлаха?

— Откуда, — удивился старичок, — это область конкретных знаний.

— Тогда позвольте сообщить, уважаемый Леон Моисеевич, что Валлах был химиком-органиком, открыл несколько реакций получения гетероциклических соединений и красителей. В знак признаний его достижений

в области развития органической химии и химической промышленности, а также за то, что он первым осуществил работу в области алициклических соединений, ему в 1910 году было присвоено звание лауреата Нобелевской премии по химии. А вы знаете, что это такое — алициклические соединения?

Озадаченный критик, не ожидая такой гневной реакции Быкова, в первый момент растерялся и пожал плечами. Быков же продолжал бодаться:

— Я со школьной скамьи восхищаюсь этим химиком. А его открытие считаю гениальным. Вы только подумайте, Леон Моисеевич, им были открыты органические соединения, характеризующиеся циклическим строением молекулы с цепями, образованными из углеродных атомов. Кстати, от алициклических соединений следует отличать гетероциклические соединения, у которых в построении циклического ядра могут, кроме углерода, участвовать и другие элементы. Первые называются нафтенами или циклопарафинами и имеют общую формулу C_nH_{2n} ...

— Послушайте, молодой человек, — вдруг прервал его критик разгневанным тоном, — как вы сюда попали? Здесь же артистический санаторий! А вы, как я вижу, из другой области. И общаетесь невежливо, даже ругаетесь какими-то химическими формулировками.

— Я попал сюда по путёвке, за которую заплатил деньги. А достала мне эту путёвку любовница из одного знаменитого театра.

— А кто вас, молодой человек, научил чітерствовать?

— А что это такое? — вдруг наивно спросил Быков.

— Что это такое? — торжественно произнёс критик. — А то, что стало весьма наказуемо за последнее время, потому что спортивный мир непрерывно лицедрет борьбу против нечестной игры. В атлетических видах спортсменов обычно ловят на допинге, а в играх интеллектуальных существуют свои виды мошенничества. Шахматы страдают от так называемого чітерства. Чітерство от английского to cheat — мошенничать. Это жаргонный термин, применяемый преимущественно в контексте игр. Вы, я вижу, и в этой области поднаторели. Со своими подельниками и любовницами обыграли известного и великодушного режиссёра и за его счёт повеселились в самом дорогом ресторане на Чёрном море.

В первый момент Быков потерял дар речи. Потом в его сознании засвербела одна мысль: “Кто донёс?” Шахматистка Гера, легкомысленный Эдик или Анна, обидевшаяся на него и исчезнувшая с горизонта. А если это были люди из массовки, заметившие Анну с написанным ходом F6?

От накатившегося волнения ему не пришло в голову ничего, кроме как спросить:

— Что вы предлагаете?

— Что я предлагаю? — нервным фальцетом продолжил критик. — Во-первых, извиниться на миру, потому что задета честь уважаемого человека. Во-вторых, вернуть истраченные на вас деньги, и в-третьих, я бы на вашем месте без промедления уехал бы восвояси. Вы на секунду можете себе представить, если бы такой поступок был совершён во времена Пушкина или Лермонтова? Вас тотчас вызвали бы на дуэль, и ни один человек не пожалел бы об убитом мошеннике.

Быков вскочил и пошёл на выход. Ему послышался вслед ехидный смех, но это смеялось его воспалённое сознание. Он бежал из столовой, словно за ним по пятам гнался не старичок, а похожая на него графиня из “Пиковой дамы” с требованиями извинений. Сообразив, что на пляже после такого разговора появляться нельзя, он решил вернуться в номер и позаниматься. Мысли о поступлении когда-нибудь в ГИТИС на режиссёрский факультет его не покидали. После преждевременной смерти матери он продал дом в Матвеевке, переехал в комнату общежития НИИ биоорганической химии и ждал, когда сдадут кооперативный дом на Ждановской. Деньги после продажи дома и уплаты за кооператив “Элемент” у него остались, и он мог позволить себе поискать себя на другом поприще. Химия ему осточертела, просиживание задницы в лаборатории надоело, быть всё время кому-то подчинённым стало не по нутру. Недаром его любимой пословицей стала польская шутка:

“Для большинства людей взвешенный подход предполагает ясность, и только у химиков это означает муть”. Он рвался к свободе, и командный режиссёрский пункт казался ему тем местом, где он станет известным. В номере его ждала подаренная Анной книга, в которой автор, известный режиссёр, выпускник ГИТИСа, рассказывал, как стал режиссёром после долгой работы физиком. Пример казался ему подходящим, и Быков не терял надежды осуществить свои планы.

Проходя мимо злополучного места — террасы, где стоял шахматный стол, — Быков неожиданно увидел Шабанова, играющего с его ехидной знакомой из “Волны”. Она или не она разболтала? Приглядевшись повнимательнее и заметив, что партнёры не только играют, но как-то подозрительно шушукаются, Быков решил проверить свои подозрения. Он заглянул в ларёк, купил конфет и три стограммовые бутылочки коньяка. Вложив стограммовки, как патронташ, в нагрудный карман, стал поджидать. Вскоре Гера с горящими глазами появилась на дорожке. Быков вернулся к входной двери ларька и, сделав вид, что выходит с покупками, пошёл навстречу шахматистке.

— Ой, — воскликнула она, словно споткнувшись о край ковра. — Это вы?

— Я, — торжественно изрёк Быков и улыбнулся одной из тех улыбок, которые недвусмысленно выражали определённые намерения. — А вы что делаете здесь? Искали меня в санатории?

— Нет, не искала, — слишком быстро ответила она.

— Коварная девушка Гера, вы искали другого? — наступал Быков, приводя девушку в замешательство. — А я думал о вас. Хотел снова появиться у вас в “Волне” и получить дополнительную консультацию по шахматам. Впрочем, не только консультацию.

Быков приподнял головки коньяка в своём нагрудном кармане и улыбнулся добродушно-хитрой улыбкой, не вызывающей сомнений в его искренности.

— Вы уже обедали? — деловито спросил он.

— Да, я обедала и обещала моей соседке по номеру погулять.

— А если я один заменю вам всех сожительниц в единственном лице и пригласю вас на прогулку, вы не откажете?

— С удовольствием. Тем более моя приятельница страшно ленивая особа, собирается на прогулку по полчаса.

Они пошли в сторону дома отдыха “Волна”, потом свернули к парку.

— А что, собственно, Герочка, вы делали в нашем санатории?

— Честно, искала вас, чтобы извиниться. Я в тот вечер наговорила лишнего и, кажется, обидела вас.

— Вы действительно наговорили много неприятного. Но я не обиделся. Тем более вы правы, была подсказка, и я ею воспользовался. Хотя моя позиция была не так уж и плоха.

— Если честно, то если бы не этот ход, вы бы проиграли. Но вам повезло, ваш противник после хода конём мог ещё сыграть вничью, но Владислав сделал неверный ход слоном, и вы этим воспользовались.

— Вы сказали — Владислав? Вы что, с ним знакомы?

— Нет, когда я искала вас, то наткнулась на вашего противника. Мы разговорились, и я предложила ему разобрать вашу партию.

— И что? — выдохнул Быков.

— Да ничего! Дошли до хода F6, и я ему показала, как можно было сыграть вничью.

— И больше ничего? — строго спросил он.

— Больше ничего, — с удивлением ответила она. — А вы хотите узнать, сказала я ему, что видела подсказку вашей подруги? Нет, не сказала. Вообще, она мне очень понравилась. У вас есть вкус.

— А мой противник не вознамерился за вами ухаживать?

— С чего бы, я ему не давала повода. Мы просто играли. Кстати, он ни словом не обмолвился о вас. Про подсказку он ничего не знает. А почему вы спросили про ухаживание?

Настроение Быкова пошло в гору, и его понесло.

— Дело в том, что-то наш разговор в ресторане запал мне в душу. Мне кажется, что, преодолевая трудности общими усилиями, люди сокращают дистанцию между собой, и тем самым они сближаются.

— К чему вы это говорите? — недоверчиво спросила она.

— К тому, чтобы общими усилиями сблизить наши позиции. Вот, угощайтесь.

Быков протянул конфету и спросил:

— С вами в ресторане был молодой человек, это ваш жених?

— Что вы, никакого жениха у меня нет. Это просто человек, с которым я дважды сыграла в шахматы.

Они вошли в парк и двинулись вглубь по длинной аллее, ведущей к беседкам и к скамейкам вдоль дороги. Кое-где сидели отдыхающие, но в целом парк был пуст. В это солнечное время все предпочитали находиться на море. Наконец, в самом конце парка, в тихом и безлюдном месте, Быков облюбывал одну неширокую скамейку, одним углом клянувшую в землю. “Поизносилась скамеечка от свиданий”, — мелькнуло у него в голове. Они присели. Вокруг никого, только маленькая зелёная пересмешка что-то клевала в старенькой подвешенной кормушке. Быков по-мальчишески заложил пальцы в рот и свистнул. Пересмешка тут же улетела. Он ещё раз оглянулся — вокруг тишина. Тогда он, как фокусник, достал из грудного кармана стограммовку коньяка и предложил девушке выпить.

— Нет, я такие крепкие напитки боюсь, — искренне завила она.

— Шахматисты разве не пьют? — спросил он.

— Слышала, что Таль любит выпить, но на его игру это не влияет.

— Ну что ж, тогда я буду пить один, — с горечью заявил Быков и сильным движением сорвал колпачок с малюсенькой бутылки. — За наше знакомство и, надеюсь, дружбу, — воскликнул он и сделал глоток.

— Ну, если за дружбу, тогда выпью и я. — Гера отпила большой глоток, закусила конфетой и, сняв очки-линзы, близорукими глазами уставилась на него.

Он рассмотрел её губы — растянутые и влажные, заметил неразвитую грудь, чуть выпуклую, но округлую. Она потянулась, предполагая, что он хочет её поцеловать, но он открыл новую стограммовку, аккуратно вставил горлышко в рот Геры и маленькими глотками стал её поить. Она прижалась к нему и, чмокая из бутылки коньяк, всё больше пьянела. Тогда он поцелуем вобрал её губы и долго держал во рту, пока она не вырвалась. Решительно сказала:

— Пойдём ко мне! Я попрошу соседку погулять.

В её номере оказалась средних лет женщина, которая после короткого разговора быстро вышла. Гера торопливо взяла большое полотенце, скинула с себя одежду, обнажив худое и немощное тело, и побежала в ванную комнату.

И вдруг Быков вспомнил Анну. Ему показалось, что это она ушла в эту секунду. Вспомнил, потому что всё, происходящее сейчас, было похожим, но отличалось всего лишь одним: тогда была страсть, влюблённость, а здесь что-то бессмысленное и непристойное. “Неужели ты готов на гарантийный секс, чтобы тебя не выдали? — спросил он себя. — Ты же, Быков, не испытываешь к этой случайной девушке никаких чувств, не знаешь о ней ни одной подробности, кроме того, что она хорошо играет в шахматы... К ней, к Анне надо идти за этим, а не ублажать эту дурнушку ради того, чтобы она молчала”.

В ту же секунду он встал, прислушался, как перестал шуметь в ванной душ, и, выглянув за дверь номера, быстро вышел. Дойдя быстро до санатория, Быков направился к гостиничному корпусу. Неподальёку от входа он заметил сидевшую на скамейке Джемму, читающую свежий театральный журнал, только что взятый из библиотеки. Быков сделал разворот в её сторону и подсел. Посмотрев, что читает актриса, он с удивлением отметил:

— “Театральная жизнь”? О чём пишут?

— Вот тут небольшая статья о нашем спектакле по стихам Барто.

— Кого хвалят?

— Меня.

— А Аня участвует в этом спектакле?

— Участвует. У нас даже есть общие сцены.

— А куда она, кстати, пропала? — с какой-то отстранённой интонацией спросил он. — На пляже её нет, в баре тоже... Уехала в город за покупками?

— Какие же вы, мужики, всё-таки испорченные и глупые, — в один присест завелась Джемма. — Повертелся около девушки, наговорил ей разных комплиментов, и вдруг унесло ветром, исчез с горизонта. “Уехала в город за покупками?” — скопировала он его интонацию. — Ну и ну! Разве это не ваш стиль, молодой Адонис?

От Быкова не укрылось, что Джемма, заступаясь за подругу, старалась и сама выглядеть привлекательной.

— Адонис, что за зверь такой?

— Адонис — не зверь. Это любовник богини Афродиты в греческой мифологии. Был пастухом и охотником, — отчеканила она.

— Охотником? Как интересно! И на кого он охотился?

— На зайцев.

— Понятно.

— Я когда-то в одном телеспектакле играла Орседиду, его сестру, — уже спокойнее пояснила она.

— Простите, Джемма, первый раз слышу про такие греческие тонкости. До сих пор изучал другое. Джемма, вы, я вижу, знаете, что с Анной? Куда она исчезла?

Джемма быстро развернулась к Быкову и, с удивлением пожав плечами, выпалила:

— А вы сами не догадываетесь? Вам надо всё разжевать, разложить по полочкам?

— Не догадываюсь, хотя могу представить такую ситуацию, что девушка может расстроиться или даже обидеться.

— Должна для повышения вашего образовательного ценза напомнить, что женщина — произведение тонкое, влюбчивое... Конечно, не все женщины могут нравиться, дело тут индивидуальное. Но вам, молодой человек, не мешало бы знать, что женщина расцветает с определённым мужчиной! И главное, запомните на всю оставшуюся жизнь: вести себя с каждой женщиной следует по-мужски, в переводе на русский — достойно!

Быстрая победа над Герой ещё кружила голову Быкову, и он, чувствуя скрытую симпатию Джеммы, подсел ближе и примирительно заворковал:

— Я подозреваю, Джемма, что вы не отказались бы узнать о предпочтениях молодого Адониса?

— Борис, я не студентка театрального института, чтобы со мной вести разговор в таком тоне. Ваши предпочтения я уже заметила.

— И каких же женщин я предпочитаю?

— Вы считаете, что на этот вопрос должна отвечать я?

— Нет, конечно, это должен делать мужчина.

Джемма развернулась в кинематографический труакар, внимательно пронзила его тем взглядом, который в своё время сразил режиссёра, который назначил её на роль в фильме, принесшем ей популярность, и, заново приглядевшись к Быкову, выдала ему лекторским тоном:

— Такие мужчины, как вы, Борис, предпочитают, чтобы барышни в постели брали инициативу в свои руки. Неважно, блондинка или брюнетка, если женщина раскрепощённая и активная в сексе, вы сходите с ума от удовольствия и готовы в девяноста процентов случаев продлить отношения. Разве не так?

Быков не был готов к такому разговору с ещё мало знакомой дамой и в первый момент растерялся, но через секунду быстро пришёл в себя и заговорил более уверенно:

— У вас получилась какая-то усредненная женщина. На мой не очень опытный взгляд, у женщины должны быть одновременно несколько важнейших начал: сексуальных и неприступных, порочных и невинных, прекрасных и ужасных, притягивающих и отталкивающих. В общем, если честно, то я люблю, когда сочетаются противоположности, которые делают женщину ещё прекраснее.

— Так ведь всё это есть в нашей Анне, — воскликнула Джемма, словно совершив открытие. — Или что — поматросили и бросили? — выпалила она и отвернулась от Быкова.

Быков совсем не ожидал такого приговора. Раньше такие сентенции о женщинах проходили у него на “ура”. Он растерялся. Хотел пошутить, пофлиртовать, и такой поворот. И вдруг он вспомнил: Джемма — возлюбленная Артура из романа “Овод”, участница революционного движения. Так вот откуда у неё эти замашки: говорит, как профессор, при этом и чувства, и страсть! “Синие чулки” бывают обыкновенно страшные уроды, а эта и красавица, и образованна. Нет, она меня просто в тупик поставила. А может, она в меня тайно влюблена и боится признаться? Стыдно перед подругой? Он быстро стал обдумывать появившееся предположение, как в этот момент из гостиничного корпуса вышла Анна. Она была в халате и в тёмных очках. Заметив их, она помахала им рукой и направилась в сторону пляжа. Зная, что ей смотрят в спину, Анна шла собранно, грациозно, как по подиуму модного дефиле.

— А вы не хотите пойти на пляж? — неожиданно спросила Джемма. — А то я собиралась, но присела, чтобы посмотреть журнал.

Она положила “Театральную жизнь” в пляжную сумку и строго посмотрела на Быкова. Под этим уверенным взглядом Быков забыл обо всех своих проблемах, подхватил Джемму под руку, и они бросились догонять Анну. Вскоре они пошли вместе. Обе женщины о чём-то шушукались, а Быков думал, как же она, эта Анна, хорошо выглядит, сколько в ней грации и как она возбуждающе ведёт себя. Проходя мимо выставочной галереи местных художников, он задержался. Его внимание привлёк стоящий на дорожке небольшой натюрморт: в обливной керамической вазе красовались три бордовые розы, кивающие головками в разные стороны. Он поинтересовался о стоимости натюрморта, купил картину и попросил завернуть как подарок. Вскоре он догнал своих барышень, и, свернув в четвёртую секцию пляжа, они устроились рядом. Женщины разложили пледы, взятые из номера, а он пристроился сбоку и ждал, когда можно будет вручить подарок Анне. Джемма пошла переодеваться, Анна скинула халат, и Быков, развернув натюрморт, молча протянул его Анне.

— Это что? — тихо спросила она.

— Подарок, — так же тихо ответил он и быстро поцеловал её в щеку. — Прости, я больше так не буду.

— Что не будешь? — переспросила она.

— Не буду исчезать, не сказав, как я к тебе отношусь.

— И как же?

— Вот так!

Он схватил свободную часть пледа, закрыл себя и Анну и стал целовать её. В этот момент нехотая появившаяся Джемма сдёрнула плед и, увидев целующихся, извительно заметила:

— Милые бранятся — только тешатся. — Взглянула на натюрморт. — Вот это другое дело!

Быков достал из кармана оставшуюся стограммовку, повертел перед носом Анны бутылочкой, предлагая выпить, но получив отрицательный ответ, стал потягивать коньяк, поглядывая по сторонам. Неожиданно к нему подошёл грузинского типа мужчина и пригласил в их компанию поиграть в волейбол. Он допил коньяк, бодро вскочил на ноги и пошёл вслед за кавказцем. Мяч исправно летал в разные руки, но именно в его сторону били сильнее и, нет-нет, что-то отпускали на его счёт. Вдруг один из грузин на русском языке крикнул:

— Слушай, красавчик, почему у тебя такие дырявые руки? Что, не умеешь играть в волейбол?

— Я играю правильно, — резко ответил Быков, — а вы лупите по мячу в мою сторону специально. Успокойтесь и играйте по-человечески, а не с кавказским акцентом.

Быков ответил незлобно, но шутка про кавказский акцент взбесила всех игравших. Тот, кто брякнул про дырявые руки, ринулся к Быкову с криком:

— Тебе не нравится мой акцент? А мне не нравится твоя нахальная морда!

— За нахальную морду можно и ответить, — угрожающе огрызнулся Быков и увернулся от удара, который нанёс стоявший ближе к нему грузин. Не раздумывая, Быков ответил и попал противнику в нос. Кровь брызнула на усы нападавшего. Увидев, что пошла первая кровь, кавказцы превратились в коудлу бандитов. Они набросились на Бориса, который с трудом уворачивался от ударов, держа нападающих на расстоянии.

Откуда ни возьмись, появилась разгневанная, как фурия, Анна.

— Ах вы, скоты, — закричала она, — втроём на одного!

Она подскочила к зачинщику драки и без подготовки ударила его между ног. Тот завопил, как резаный. Все уставились на разгневанную женщину, а та, воспользовавшись возникшим переполохом, налетела на двух других и стала избивать их руками и ногами. Одному она пошла в глаз, и тот, отскочив в сторону, закричал что-то по-грузински. Он прыгал на одной ноге, тёр мгновенно воспалившийся глаз и всё время повторял одну и ту же гневную фразу.

Побитые женщиной грузины так растерялись, что не успели прийти в себя, как Анна немедля схватила Быкова за руку и молча потащила его в ту сторону, где осталась Джемма. Подбежав к своему месту, она быстро скрутила свой плед, взяла сумку и, держа Быкова за запястье, скомандовала:

— Джемма, держи оборону! О нас ни слова!

Повернувшись к Быкову, приказала:

— За мной! К лифту! Бежим, иначе они опомнятся и убьют нас.

Бежать по гальке было неудобно, ноги то и дело подворачивались, но оказавшись на площадке рядом с лифтом и увидев, что грузины отстали, они, задыхаясь, вошли в кабину и поехали наверх. В корпусе не потерявшая смекалки Анна спросила у дежурной ключ от номера Джеммы и предложила Быкову укрыться у подруги. Джемма прибежала минут через десять. Волнуясь и сбиваясь, она рассказала, что грузины требовали от неё сведений, что за люди на них напали.

— Я их послала куда подальше, сказав, что вас не знаю и впервые видела. Ребята, ситуация очень плохая: предлагаю немедленно позвонить в милицию.

Быков отказался от такого плана. Ему было стыдно устраивать разбирательство, не зная, кто и зачем организовал этот конфликт.

— Много ли им надо, — говорила Джемма. — Не понравилась физиономия Быкова, вот они и решили её переделать. Мало ли конфликтов у этих грузин из-за баб и всяких мелочей. У них “дружба народов” на словах, а тронь их — сразу кричат: “Зарежу”.

— Вот они! — негромко сказал Борис, выглядывая в окно.

Анна и Джемма бросились к шторе, и все трое стали смотреть наружу. Внизу, на большой площадке перед корпусом, слонялись грузины, приставая к проходившим с расспросами. Видно было, что они описывают физиономию Быкова и Анны, но никто из отдыхающих долго не задерживался — время шло к полднику, и видно было, что жители Кавказа со своими расспросами вызывают неприязнь. Наконец, один из тех, кто первым затеял конфликт, указал рукой в другую сторону, и все трое, горячо споря, пошли в направлении аллеи, ведущей к ресторану. Тут Быков увидел критика Леона Даевского, направлявшегося в сторону ушедших грузин, и вспомнил о неприятном разговоре с ним и его совете немедленно уехать.

— Послушайте, а не мог Шабанов всё подстроить? — спросил он.

— Для Владислава это очень мелко, — возразила Джемма. — Он известный человек, его уважают во МХАТе. Вряд ли он будет заниматься организацией нападения на человека, которому проиграл какой-то турнир. Это

не чемпионат мира или какой-нибудь международный турнир, чтобы мстить человеку, выигравшему по подсказке.

Быков вздрогнул, воззрился на Анну и по испуганным глазам понял, что она всё рассказала Джемме. Обе смутились, но Джемма взяла огонь на себя:

— Боря, нечего на неё так смотреть. Ты бы видел, в каком состоянии она была после вашего конфликта. И потом, я вырвала у неё это признание. Мы близкие подруги и всегда делимся самыми сокровенными тайнами. — Она сделала паузу, внимательно посмотрела в глаза Быкову и продолжила: — Можете мне поверить, я никому ничего не говорила, а вот рассказ о критике Даевского, старом педриле и отвратительном человеке, наводит на мысль, что это вполне может идти от него. А что, Шабанов — красивый мужик, вполне может прйтись по вкусу этому Даевскому, и когда старый интриган узнал, что его любимчик обижен, то мог устроить эту вендетту. Гомосеки за возлюбленных мстят жестоко.

— Борис, — заговорила долго молчавшая Анна, — мне кажется, тебе надо в Москву. И как можно скорее.

— Но у меня ещё неделя отдыха! — возмутился Быков.

— Дело не в отдыхе. Судя по всему, они тебе и мне этот отпуск испортят. К тому же, если ты сегодня или завтра полетишь в Москву, то у тебя есть достаточно времени к тридцатому июня сдать документы в приёмную комиссию и поступить.

Она торжественно посмотрела на Джемму и добавила:

— Если бы ты знал, Боренька, как нам нужны хорошие театральные режиссёры.

— Уезжать, ребята, вам надо вместе, — сказала Джемма. — Иначе они тебя найдут, Аня, и, не приведи Господи, ещё и изнасилуют. — Ты думаешь, они не будут мстить? Найдут, и, поверь мне, если ты останешься здесь, перспектива у тебя одна — “хоровые пляски”. Ты поняла, что я имею в виду?..

В этот же день поздно вечером Анна и Борис улетели в Москву. Во Внуково таксисты драли нещадно. Уж было сговорились, как вдруг услышали испанскую речь и сумели просочиться в автобус с кубинской делегацией. Устроились на последних рядах, надели тёмные очки и затаились, пока автобус не тронулся. Экскурсовод сразу затараторил по-испански, ни Аня, ни Борис ничего не понимали, да у них свои проблемы высвечивались.

— Ну что, ББ, — сказала Анна, — как жить будем?

— Я купил квартиру в кооперативе на Ждановской. Скоро можно будет въезжать. Но пока никакой мебели.

— А мы скоро из своей коммуналки переезжаем в двухкомнатную квартиру. У мамы есть кое-какие связи, она поможет с мебелью.

— Нет уж, вы, пожалуйста, с мамой ни о чём не хлопочите. Так дело не пойдёт! В “Кабалу святош” я попасть не хочу.

— Ты знаешь эту пьесу? — воскликнула Анна.

— Аня, я много чего знаю. Я всего Булгакова подпольно прочитал.

— Ладно. Пока нам всё равно не до благоустройства. Так ты будешь поступать? У тебя есть план?

— Есть. Провожу тебя до дома, утром поеду на работу в НИИ и буду готовить необходимые документы: заявление на имя ректора ГИТИСа, подлинник документа о высшем образовании, копию паспорта и четыре фотографии. Видишь, я всё помню.

— Молодец! Если поторопишься, то всё успеешь.

Вскоре автобус с делегацией прибыл на автовокзал, они поймали такси и поехали на Таганку. Прощаясь с Анной около её дома, он неожиданно попросил ничего не говорить маме о своих подвигах.

— То есть вообще ничего? Даже то, что я познакомилась с тобой? — растерялась Анна.

— Нет, об этом сказать надо, но о турнире, драке и грузинах — ни слова. Во-первых, чтобы она не ругала нас за плохое поведение, а во-вторых,

неизвестно, чем всё это закончится. За нас взялись всерьёз, и не исключено, что этот конфликт переключает в Москву.

Она записала ему телефон, и они долго целовались, пока Анна с усилием не оторвалась от него.

В ближайшие дни Быков собрал документы и сдал их в приёмную комиссию ГИТИСа. Наконец, созвонился с Анной и приехал в гости.

У Анны с мамой были две комнаты в коммуналке на первом этаже. Быков вручил два букета хризантем обоим женщинам, представился маме и был приглашён в комнату Татьяны Ивановны, где был заранее накрыт стол по случаю знакомства.

При маме Анна вела себя как любящая дочь. Она была учтива, внимательна, не перебивала Татьяну Ивановну и искренне восхищалась матерью. Ещё когда летели в Москву, Анна рассказала, что у Татьяны Ивановны не сложилась судьба, как у её мхатовской однофамилицы Аллы Тарасовой. Она ещё девчонкой бегала на спектакли МХАТа и особенно МХАТа-2, в котором стала выступать, а после его закрытия в 1936 году она совсем юной актрисой с режиссёром Павлищевым перешла в театр имени МОСПС, который в 1938 году стал театром Моссовета. А затем, вслед за тем же Павлищевым, перешла в Ленкомсом, где многие годы была среди ведущих актрис. Но вскоре после рождения дочери и смерти Павлищева она ушла из театра и занялась воспитанием дочери и концертной деятельностью в Московской филармонии, выступала с чтецкими программами. На стенах комнаты были развешаны афиши Заслуженной артистки РСФСР Татьяны Тарасовой. На одной из афиш значилась поэма Маяковского “Про это”. Быков на волне поступления в ГИТИС, желая произвести впечатление, поинтересовался, почему выбор исполнительницы остановился на этой затёртой ещё в школе поэме.

— На моей афише, — с воодушевлением стала рассказывать Татьяна Ивановна, — в первом варианте был портрет Лили Брик, как когда-то в двадцатых в первом издании. Но не разрешили. И Брик не помогла.

— Вы были знакомы с Лилией Брик? — оживился Быков.

— Почему была, Лилия Юрьевна жива. Последний раз я с ней беседовала на спектакле Театра на Таганке “Послушайте”.

— Да что вы? — воскликнул Быков. — Я знаю этот театр. Видел два спектакля: “Павшие и живые” и как раз “Послушайте”.

— “Павшие и живые” не видела, — отозвалась старая актриса. — А вот на “Послушайте” была. Аня достала билет, и я сидела неподалёку от Лили Брик и даже говорила с ней после спектакля, пригласила на мою чтецкую программу.

— И она слушала ваше “Про это”?

— Да, и ей понравилось. После концерта мы с ней даже крепко выпили.

— Вот это история! А как вам “Послушайте”? Вы приняли спектакль? И вообще, о чём он? — с некоторым пафосом задал вопрос будущий режиссёр.

— О чём? — Татьяна Ивановна развела руками, подняла голову к потолку, словно с кем-то посоветовавшись, и уверенно ответила:

— Об одиночестве ранимого поэта. Вы упомянули школу, так вот, именно в школе Маяковского изрезали на цитаты и всюду эти цитаты рассыпали. Говоря прямо, великого поэта наши мещане просто напросто “застырали”. — И в подтверждение своих слов она вдруг чеканно прочитала: — “Затянет тинкой зыбей, слабых собьёт с копыт. Отбивайся, крепись, бей быт!” По моему глубокому убеждению, наш советский быт медленно, но верно плывёт к мелкобуржуазной жизни. Особенно с этим лозунгом: “Догоним и перегоним Америку!” Во-первых, не догоним, а во-вторых — на хрена? В последние годы наверху расцвела такая буржуазия, что скоро слова Маяковского: “Я хочу быть понятой своей страной, а не буду понятой — что ж, над родной страной пройду стороной, как проходит косой дождь”, — станут как мёртвому припарка. Беда в том, что настоящие люди стали проходить, как косой дождь. Многие уезжают, другие погрузились в себя и откровенны только на кухне.

— Зато мы, мама, — вклинилась до сих пор молчаливая Аня, — мы на своей кухне колхозом живём и не отчаиваемся. Наша коммуналка, как вакцина от оспы. “Мы приходим в коммунизм низом”. А я так и вовсе “с небес поэзии бросаюсь в коммунизм”.

Шутка Анны понравилась, и все засмеялись.

— Аня много стихов знает. Особенно Пушкина, — продолжила Татьяна Ивановна, с гордостью глядя на дочку.

Быков вспомнил, как Аня читала в ресторане письмо Татьяны к Онегину, и искоса, с улыбкой посмотрел на неё.

— А вам-то, Борис, спектакль “Послушайте” понравился? Я слышала от Ани, что вы поступаете в ГИТИС на режиссёрский?

— Я Борису подарила книгу Ивана Павлищева, — торопливо сообщила Анна матери.

— Это что, последний экземпляр? — строго спросила Татьяна Ивановна.

— Нет, мама, у нас ещё две книги есть.

Быков быстро сориентировался:

— Я практически этот сборник статей прочитал, могу вернуть.

— Да нет, Аня правильно сделала, что подарила вам эту книгу.

— Он что, ваш знакомый, этот Павлищев? — напрямую спросил он.

Обе женщины замолчали. Первой заговорила Татьяна Ивановна.

— И знакомый тоже. Но главное — это книга очень полезна для начинающего режиссёра. В ней ясно и образно рассказано о ремесле постановщика.

Она сделала паузу, отпила глоток шампанского, поправила шаль — на первом этаже было прохладно — и продолжила:

— Время идёт, а его книга по-прежнему и полезна, и актуальна. И это — здорово! — улыбнулась она. — Кстати, в книге много предвидений: что опять вернётся театр самодовлеющей формы, авторский театр, театр предсказания, что площадная эстетика, вновь, как в двадцатые годы, перейдёт на сцену. Павлищев ушёл из жизни, а через пять лет не только появился “Современник”, но благодаря Всемирному фестивалю молодёжи и студентов на подмостки страны прорвалась молодёжная эстетика, впервые появившаяся в “оттепель”. Кстати, на этой волне родился и театр Любимова, его Щукинский курс стал основой для спектаклей “Десять дней...” и “Послушайте”. Мне не хотелось отстаивать от времени, и я увлеклась поэмой Маяковского “Про это!”, посвящённой Лиле Брик. А эпиграфом сделала эти строки. — Она сняла очки и напевно произнесла: — “Эта тема ко мне заявлялась гневная, приказала: “Подать дней удила!” — Посмотрела, скривясь, в моё ежедневное и грозой раскидала людей и дела”. Вот такого Маяковского я люблю. Это сегодняшний Маяковский. Разве не так?

Услышанная лекция повергла Быкова в смятение. Его поразило, как Татьяна Ивановна понимает время и театр, поэтому он спасовал и, сказав, что он пока больше химик, чем режиссёр, признался, что хотя ему многое в этом спектакле понравилось, но и многое озадачило.

— А что озадачило? — спросила Анна.

— Озадачило то, что этот спектакль чрезмерно политический. Мне мешали не кубики с алфавитом, не тема борьбы с тем, что вы назвали мелкобуржуазным мещанством, мне было жалко актёров, которые впятером осиливали роль Маяковского, но, на мой взгляд, в спектакле намного интереснее всех был Любимов. Он своими иносказаниями и метафорами целиком и полностью переиграл своих актёров. Тема раскрыта не благодаря исполнителям, а вопреки им. Именно поэтому мне больше всех понравился молчаливый Маяковский. Я даже запомнил фамилию актёра — Владимир Насонов. Я не люблю, когда “шинкуют” классику. При этом обязательно выдёргивают негатив. На одной встрече я слышал выступление режиссёра, который утверждал, что русские писатели придумали Россию, чтобы не было стыдно, и якобы поэтому на сцене противопоставлено падать этот народ. Как не щадил его писатель Иван Шмелёв. Он говорил, что русский народ ненавидит волю и обожествляет рабство, любит своих кровавых деспотов, не чувствует никакой красоты. Что он грязный физически и морально. Всегда живёт

в темноте и мракобесии. Мало того, что он сам такой, и все остальные народы хочет сделать рабами и угнетать. Вообще, мол, не народ, а историческое проклятие человечества. Лично мне эта точка зрения отвратительна, но многие режиссёры именно так показывают народ на сцене.

— Откуда у вас эти слова Шмелёва?

— Из нашего НИИ двое собрались за кордон и обосновывали свой отъезд литературными примерами. Вот, мол, два выдвигенца на Нобелевку терпеть не могли Россию. А чем мы хуже? Ну, и приводили в пример Шмелёва и Бунина. Я почитал, оказывается, всё не так. Со Шмелёвым верно, но с Буниным всё наоборот. Он говорил, что если бы немцы заняли Москву и Петербург, и ему предложили бы туда ехать, он отказался бы. Даже если бы ему предоставили наилучшие условия. Он не мог бы видеть Москву под немцами. Бунин многое ненавидел и в России, и в русском народе, но не так огульно, как Шмелёв. Он многое любил, чтил русскую святость.

— Шмелёв, — произнесла Татьяна Ивановна, — во время войны стоял на прогитлеровских позициях.

— Не может быть! — возмутился Быков.

— Представьте, да! Он писал, что двадцать второе июня сорок первого для него лучшее событие, а Гитлера называл с большой буквы рыцарем, поднявшим меч на дьявола. Верил, что русские с немцами отныне будут связаны узами братства. Дорогой Борис, вы правы, что не думаете так, как он. Я очень рада за вас. Бунин — совсем другое дело. В одной из постановок я читала его слова и хорошо помню до сих пор: “До самых священных недр своих поколеблена Россия. Не поколеблено одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих, и что воистину не одолеют её до конца силы адавы”. Я уж не говорю о языке Бунина — чистейший, изысканный, — один из критиков назвал его одним из последних лучей чудного русского дня. Он ведь на закате жизни, уже будучи Нобелевским лауреатом, поднял бокал за Иосифа Сталина. А у нас до сих пор многие интеллигенты, не зная подлинную правду о репрессиях, любят цитировать стихи Мандельштама про “широкую грудь осегина”, “что ни казнь у него, то малина”. А ведь позже тот же Мандельштам сочинил оду Сталину, где были иные слова. Не зная или не желая знать другие, совсем противоположные строки поэта, написанные много позже: “И на земле, что избежит тленья, будет будить разум и жизнь Сталин”. Эти стихи никто не цитирует, а они были написаны в тридцать седьмом году и написаны без всякого принуждения.

Быков не удержался и восторженно выпалил:

— Татьяна Ивановна, сколько же вы знаете и помните! Я восхищаюсь вами. — Он повернулся к Анне и с широким жестом воскликнул: — Потрясающе!

— Спасибо, Борис, — улыбнулась Татьяна Ивановна. — Я всегда считала, что для того, чтобы действительно начать новую жизнь, нужно избавиться от того, что тянет в прошлое. Просто его отпустить и не жалеть о том, что было.

В конце концов, Быкову стало неловко и за начатый разговор, и за то, что влез со своим НИИшным кругозором, где лучшими шутками считались анекдоты: “Сара! Включи телевизор. Вдруг там скажут, что мы хорошо живём, а мы и не знаем”. Ему было стыдно и за своё невежество, благопристойно прикрываемое красноречием, и за прорывающееся самолюбие, и особенно за полубобразованность человека, решившего переформатироваться из химика в театралы, не предполагая, что шерсть может быть одна, а масть не та.

Почувствовав его стеснение, Татьяна Ивановна быстро перевела разговор на другую тему. Застолье продолжилось, но недолго. Великолепно прочитав два стихотворения Ахматовой, Татьяна Ивановна, отлучавшаяся весь вечер к внучке, сообщила, что она устала, и отправила молодых в другую комнату.

Пройдя через коридор в комнату Анны, Быков сразу направился к детской кроватке. В ней спала очаровательная девочка. Даша была черноглазой,

с черненькими волосами, завивающимися вверх к затылку. Она сразу Быкову понравилась. С первого взгляда было видно, что девочка похожа не на мать, а значит, на отца, бывшего мужа Анны — режиссёра Аркадия Снидовича.

— Значит, это и есть Дарья Аркадьевна? — спросил Быков и странно посмотрел на Анну.

— Вот такое у меня счастье. Его купить нельзя, но можно родить, — со смущённой интонацией ответила Анна. — Снидович девочку любит, после развода исправно платит алименты. Кстати, просится назад на любых условиях, но у меня принцип, подходящий к нашему случаю: самая достойная верность — та, которая бывает во время трудностей. А самое недостойное предательство — то, которое бывает во время доверия. У меня было полнейшее доверие. В результате я получила незаслуженное предательство, которое изжила только сейчас.

Быков обнял её и стал целовать.

— Подожди. — Она пошла к двери и заперла её. — Мама не войдёт, я уже сказала, что у нас роман, но всё-таки так спокойнее.

Она укутала девочку, взяла Быкова за руку, и они пошли к зашторенному окну, где находилась большая тахта. На этот раз всё было по-другому, тихо, чтобы не разбудить девочку.

Вечером, когда он уезжал, они оба зашли к Татьяне Ивановне попрощаться. Когда Анна на секунду побежала на зов дочери в другую комнату, Татьяна Ивановна, прощаясь с Быковым, неожиданно задержала его руку и, приблизившись к нему, тихо сказала:

— Не обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу по ней, что она вас полюбила. Второго удара она не выдержит.

Анна проводила его до Рязанского проспекта. Они долго стояли у дороги и не уставали говорить, узнавая друг друга. Она пригласила его на спектакль. В ближайшую субботу их детский театр давал спектакль по стихам Агнии Барто. Наконец он поймал такси и на прощание сказал:

— У тебя замечательная мама, я постараюсь её не разочаровать.

Он сказал это искренне, в порыве душевного подъёма и бесчисленные разы потом вспоминал об этом как самые лучшие минуты в отношениях с Анной.

В субботу Быков, купив большой букет роз, поехал в театр. Об Агнии Барто он знал немного. Разве что она детский писатель и ведёт по радио “Маяк” передачу “Найти человека”. Передача была трогательной, имела огромную аудиторию. Вообще у Быкова, страстного поклонника, прежде всего, радио, а не телевидения, были две передачи, которые он любил. Это “Встреча с песней” Виктора Татарского и “Найти человека” с Агнией Барто. В обеих передачах в течение получаса читались письма радиослушателей. Но в одном случае, с Виктором Татарским, — первым исполнителем на сцене запрещённого в то время “Мастера и Маргариты” — предлагался подбор любимых зрителями песен, где, кстати, Быков впервые услышал и стал даже напевать романс “Прощай, радость” в исполнении Фёдора Шаляпина. В другом поэтесса рассказывала, как ездит по детским домам и расспрашивает детей об их прежней жизни. Она знала, что детские воспоминания очень яркие и подробные, картинки из прошлого, воспоминания о родителях могли помочь отыскать родных. За девять лет существования передачи неутомимая Агния Барто соединила девятьсот семей. Именно эту юбилейную передачу Быков слушал и запомнил.

Поэтому, когда распахнулся занавес и появились актёры, театрально представляющие поэзию Агнии Барто, Быков открыл для себя эту поэтессу как классика детской поэзии. В постановке было занято много актёров, но Анна всё время находилась не только в центре действия, но и была лучшей в этом спектакле. Она превосходно выглядела, безусловно владела словом, была пластична и на удивление первоклассно пела. Ей несколько раз аплодировали. А сцены в стихах “Снегирь”, “Уехали” и особенно в “Любочке” прошли просто “на ура”.

Многих из тех, кто появлялся на сцене, он видел в санатории в Сочи, поэтому это был не просто хороший спектакль, а встреча с близкими людьми. После окончания представления в фойе Быков неожиданно натолкнулся на Эдика, благодаря подсказке которого он выиграл тот турнир.

Эдик искренне обрадовался. Когда пили в буфете кофе, он заявил:

— Старик, я всё про тебя знаю.

— Что именно? — удивился Быков.

— Знаю главное, что ты купил квартиру. Поздравляю, старик! Но ты так не отделаешься. Да-да, не получится. Надо, старик, проставиться! Вот возьми да и пригласи всю нашу сочинскую компанию к себе на новоселье. А? Слабо?

— А что, прекрасная идея! — оживился Быков. — Мы с Анной это обсудим и дадим знать, когда, где и во сколько.

— Ну, как тебе спектакль? — спросил Эдик.

— Смотрел с удовольствием. Анна мне понравилась больше всех.

— У неё сегодня был особый спектакль, — заметил Эдик.

— Почему?

Эдик улыбнулся:

— Старик, сегодня главным зрителем на спектакле был будущий режиссёр Борис Быков. Звучит монументально и неповторимо. Кстати, ты поступил в ГИТИС? — перескочил Эдик на другую тему.

— Нет, пока сдал экспликацию, экзамены на следующей неделе.

— Ну что ж, счастливец, желаю успеха. А мы сейчас с Алениной в ВТО на мясо по-суворовски. Это у нас традиция. Я этот спектакль люблю, потому что он короткий. Хотя саму Агашу обожаю, особенно за передачу “Найти человека”. Хороший она поэт. Недаром Гамзатов о ней сказал: “Она всегда идёт навстречу одному поколению, провозжая другое”. По-моему, здорово! А что, если вы с нами тоже в ВТО? У них там допоздна и вкусно, и весело. Пойдём, шахматист.

Слово “шахматист” резануло слух, но Быков сделал вид, что не придал этому значения. Он улыбнулся, пожал протянутую Эдиком руку и добавил:

— Не знаю, согласится ли Аня пойти в ВТО, всё-таки ребёнок приболел, но что касается “проставиться” — обещаю. Аня передаст, когда встретится. Да и вообще, я твой должник. Я это помню.

Быков пошёл на служебный вход встречать Анну. Там толпился народ, люди ждали с цветами, громко обсуждали спектакль, встречали любимых актёров. Анна вышла нескоро. Быков уже стал нервничать, когда она появилась. Видно было, что она устала, но счастлива. Приняв протянутый букет роз, поцеловала его, крепко оперлась на его руку, и они пошли к метро. После душного помещения на улице было хоть и многолюдно, но дышалось с удовольствием. Хотелось просто идти рядом и молчать. Неожиданно Быков её поцеловал:

— Молодец!

— Правда? — недоверчиво спросила она.

— Аня, ты была велико-леп-на!

Он так растянул слово “великолепна”, что прохожие стали оглядываться.

— А что, если нам пойти и отметить этот спектакль? Время не позднее. Пойдём в ВТО, там великолепный ресторан. Говорят, у них превосходное мясо по-суворовски.

— А что, очень хорошая идея. Надо только предупредить маму.

Они остановились у автомата, и она позвонила домой.

— Мама целиком “за”, Даша уже спит, — сообщила она, — так что пойдём и напьёмся.

Желающих попасть в ресторан ВТО оказалось много. Выстроилась большая очередь. Пускали по мере того, как кто-нибудь выходил. Эдик с актрисой Алениной стояли впереди и помахали Быкову и Анне издалека, когда они встали в конце очереди. Время шло, без очереди просочились Василий Лановой и Людмила Максакова, потом прошли председатель ВТО, директор Малого театра Михаил Царёв с Михаилом Жаровым — директором

Центрального Дома актёра имени Яблочкиной. Очередь недовольно гудела, но терпела. Вдруг Эдик, очередь которого подошла, махнул рукой и позвал Быкова и Аню с собой, объясняя всегда получающему мзду дежурному, что они пришли вместе. В зале почти все столы были заняты. Официантка, которая хорошо знала Эдика и Аленину, устроила их первыми, а потом посадила Быкова и Аню к паре пожилых актёров, которые уже заканчивали ужин. Аня тихо шепнула:

— Народные. Тенин и Сухаревская.

Знаменитая парочка лениво отреагировала на подсевшую молодёжь и, допив кофе, ушла. Тотчас к ним подсел небольшого роста брюнет с высокой девушкой, похожей на балерину. Пара без промедления заказала себе “суворовское” и триста граммов водки. Быков долго просматривал меню и, в конце концов, тоже заказал водку, “суворовское”, а на десерт кофе и мороженое. Общаться было непросто, в зале шумели, не переставая клокотал многолюдный говор, иногда перебивающийся громкими возгласами и приветствиями. Но вдруг в зал шумно вошла компания, в которой царствовала дочь Брежнева Галина. Она двигалась с гордо поднятой головой, казалась крепкой, плечистой и была похожа на спортсменку, только что установившую мировой рекорд. Брежневу уверенно вела официантка. По-видимому, для её компании был заказан стол. За дочерью генсека, улыбаясь по сторонам и приветствуя знакомых, следовал красавец мужчина с великолепной фигурой и белесой чёлкой на лбу. Весь его вид выражал уверенность, всемирную славу, богатство, любовь... По нему сходили с ума женщины, ему завидовали мужчины. За границей аристократы и миллионеры предлагали в подарок замки и даже острова, а в Советском Союзе ему покровительствовали высшие партийные чиновники, но главное — в него без памяти была влюблена Галина Леонидовна. Это был народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, солист Большого театра Мариус Лиена. По пути к заказанному Брежневой столу Лиена, увидев сидевшего рядом с Анной и Быковым молодого мужчину, резко остановился и, шумно поздоровавшись с ним, стал обнимать и приглашать его с балериной к ним за стол.

— Серёжа, бери Тамару и пошли к нам. Галя там заказала столько, что на роту хватит.

— Нет-нет, Марис, не могу, — звонко ответил сосед и что-то шепнул танцовщику на ухо.

— И хорошие гастроли? — тихо спросил Лиена.

— Классные! Четыре города и платят, как за сольник.

— Ну, тогда ни пуха, надо быть в форме.

Оба засмеялись и, пожав ему руку, Лиена пошёл навстречу уже издающей какие-то львиные рыки Брежневой. Быков, увидев, что сосед повёл себя так независимо, заметил:

— Вы, я вижу, устойчивы к соблазнам?

— Напротив, но рано утром мы с Тамарочкой и Московским мюзикл-холлом едем на гастроли. Надо быть в форме. А с ними, — он кивнул в сторону стола Брежневой, — живым не уйдёшь, знаю по многим застольям.

— Судя по голосу, вы певец? — спросил Быков.

Аня тотчас исправила ситуацию:

— Боря, это известный певец Сергей Менахин, солист мюзик-холла.

Вскоре разговор наладился. Борис предложил выпить за женщин, позже сообщил, что они только что после спектакля в детском театре. Менахин очень смешно стал рассказывать, как работал у режиссёра Наталии Сац в Детском музыкальном театре, где, несмотря на рост и, как он выразился, “отвратительную морду”, пел фрагменты из оперы Шарля Гуно “Ромео и Джульетта”. Потом для общего удовольствия принялся копировать Сац с её характерной картавостью в речи.

В этот полный душевного подъёма момент в зал вошёл в сопровождении какого-то молодого человека Шабанов. В одно мгновение Борис и Анна одеревенели. Увидев пришедших, оба сделали вид, что это их не касается. Однако через секунду Анна шепнула:

— Боря, с ним мой бывший муж.

Дальше начался спектакль, который они потом долго вспоминали, не понимая, “как сошлись звёзды”, чтобы получилась такая “подготовленная импровизация”. Как только Менахин и Тамара ушли, а Аня пошла в туалет, к Быкову подсел Снидович и, не мешкая, взял быка за рога:

— Я знаю, что вы тот молодой человек, — начал он невежливым голосом, — который ухлёстывает за моей женой.

Быков сразу ответил:

— Я знаю, что Анна Тарасова была замужем за каким-то режиссёром. Знаю, что она развелась. Это даёт мне право не ухлёстывать за ней, а ухаживать, встречаться и даже строить планы... Как я понимаю, ваша фамилия Снидович?

— Да, это я. Мы восстанавливаем наши отношения, и вы в этой ситуации лишний человек. Не забывайте, что у нас дочь, и я хотел бы, чтобы вы вели себя по-мужски.

— Чтобы я отвалил, так, что ли? Не получится. И это как раз по-мужски, — твёрдо ответил Быков.

— Что вы дурака валяете, оставьте мою жену в покое, и всё, — громко взвизгнул Снидович, — иначе будет очень, очень плохо. Вы, кажется, поступаете в ГИТИС? Я видел вашу фамилию в списках. Так вот, в любой момент всё может обломиться. Никакого ГИТИСа не увидишь, как своих ушей! И последнее: говорю прямо, чтобы потом не обижался: если я ещё раз увижу вас вместе, пеняй на себя! Как говорили в старину: поберею голову!

В это время вернулась Анна. Снидович, ослабившись злой улыбкой, поздоровался и, ни слова не говоря, вышел из-за стола.

— Это кому он побреет голову? Я ему сейчас покажу.

Она хотела догнать бывшего мужа, но Быков её удержал.

— Успокойся! Не хватает здесь выяснять отношения. Твой бывший перебрал и готов мстить. Давай допивай кофе и пойдём. Я тебя провожу.

— Никуда я бежать не собираюсь. — Анна села за столик. — У меня есть мороженое, кофе, и пока я это не попробую и не доем, мы никуда не тронемся. Что он тебе говорил?

— Аня, он нёс всякую ерунду.

— Не обманывай меня. Он расчётливый и мстительный тип. Я тебя спрашиваю, что он тебе говорил?

— Говорил, что ваш развод теперь в прошлом. Говорил, что мне будет очень, очень плохо и что он перекроет мне дорогу в ГИТИС.

— Ах, так? — воскликнула она и, развернувшись в сторону Снидовича, резко вскинула руку и показала фигу. Этот поступок на минуту успокоил её, она перестала дрожать и начала быстро доедать мороженое, зашивая его кофе. Постепенно некоторые посетители начали уходить. Первыми в сопровождении официанта и администратора вышли М. Царёв и М. Жаров, потом, блистая трезвой походкой, прошёл Василий Лановой и с ним Людмила Максакова. За ними потянулись другие. Шумели только в той стороне, где сидела компания Галины Брежневой. Там широко и раздольно затянули “Рябинушку”. Оставшиеся посетители благоговейно прислушивались к хору имени Брежневой, в котором голос дочки генсека звучал громче всех.

Неожиданно Быков заметил, как Шабанов что-то шепнул Снидовичу и, резко отодвинув кресло, направился к их столу. Быков резко встал, готовясь к драке. Но тот драться не собирался. Он присел на свободное кресло и тоном прокурора, сверля Быкова глазами, начал:

— Ну, здравствуйте, бывшие друзья по застолью! Как я понимаю, вы не ожидали, что мы можем снова встретиться? Считайте, что это мой сюрприз. Я имею честь сказать вам следующее: нормальные, хорошо воспитанные и совестливые люди после жульнического турнира находят партнёра и, несмотря ни на что, извиняются. Вы же, шерочка с машерочкой, решили, что всё в порядке. Одурачили противника, и дело сделано. Нет, голубчики, ничто не забыто и не будет забыто. Мы все в одной театральной берлоге, и каждый должен отвечать за свои поступки. На дуэль я не вызываю, но отказать себе в удовольствии плюнуть вам в лицо я не могу. — Он с вызовом

набрал слюну и собрался плюнуть, но Быков быстрым движением успел поставить перед его ртом кулак:

— Пошёл вон! Иначе я снесу тебе голову.

Шабанов на секунду оторопел. Взвесив ситуацию и оценив яростный вид противника, он посмотрел по сторонам и благоразумно отступил. Но в ту же секунду громко, для ушей рядом сидящих, выкрикнул:

— Как говорят горцы, месть — самый надёжный вид правосудия. И именно её вы дождётесь.

Он эффектно на публику развернулся и направился к своему столу. В это время “Рябинушку” подхватили все оставшиеся в ресторане: “Ой, рябина кудря-а-а-а..”

Внезапно под льющуюся с разных концов мелодию песни в зале появились крепкие молодые люди в костюмах и галстуках. Деловито и воодушевленно они внесли огромный розовый торт, а следом над головами посетителей поплыли громадные букеты цветов. Песня оборвалась, и вскоре из дальнего угла ресторана стали долетать поздравительные речи и тосты.

Быков не выдержал и, отняв у Анны недопитый кофе, повёл её на выход. Обернувшись, увидел, что за ними по пятам идут Снидович и Шабанов. Когда вышли на улицу Горького, он развернулся, чтобы сориентироваться в обстановке. Однако увидев рядом с входом милицию и прижатые к обочине два правительственных “ЗИЛа” с водителями, Быков успокоился. Следом за ними выпорхнули наружу и их преследователи. Увидев милицию, отошли в сторону и стали оживлённо разговаривать, незаметно поглядывая в сторону Быкова и Анны. Быков стал ловить такси, но милиционеры не давали припарковаться ни одной машине, сообщая по громкоговорителю, что здесь останавливаться запрещено. Вдруг двери Дома актёров распахнулись, и на улицу Горького начала вываливаться большая и шумная компания Галины Брежневой. В руках у неё и Мариуса Лиёпы были букеты цветов, кто-то из компании держал початые бутылки шампанского, а крепкий, плечистый мужик тащил на плече ящик, набитый едой и выпивкой. Под громкий хохот, перекрикивая друг друга в каком-то неистовом и нездешнем ликовании, вся эта компания стала нырять в чёрные лимузины, и тотчас разом загудели моторы. Дальше последовало то, что Быков помнил многие годы. Машины дёрнулись вперёд, проехали в положенную сторону метров десять и вдруг, не сбавляя хода, стали разворачиваться в обратном направлении, заезжая на противоположную сторону. На той стороне закричали тормоза, другие водители принялись сигналить и под трёхэтажный мат стали пропускать зарвавшихся и давно живущих не по правилам хозяев жизни. На освещённых фонарями тротуарах прохожие таращили глаза на это грандиозное своеволие. Милиция вскоре исчезла, и Снидович с Шабановым решили, что их час настал. Они развалистыми шагами направились в сторону, где безуспешно ловили такси Анна и Быков. Драки, казалось, не избежать, но тут с визгом остановилось такси, и Быков, пропустив Анну на заднее сидение, сел рядом с водителем, не глядя в сторону взбешённых заговорщиков, громко скомандовал: “На Таганку!”

Только в машине они стали приходить в себя. Первое, о чём подумал Быков: кто мог сообщить, что они с Анной направились в ресторан ВТО? Этим “кротом” мог быть Эдик, но Быков сразу отбросил этот вариант. “Тогда кто же?” Он спросил об этом Аню. Она ответила, что тоже думает об этом, но до сих пор не может понять.

Подъехав к дому Анны, Быков вышел, чтобы попрощаться. Однако Анна настояла, чтобы он отпустил такси и ещё побыл с нею. Они вошли в подъезд, и Анна ненадолго отлучилась. Через несколько минут она вернулась и, поцеловав его, тихо сказала:

— Мама забрала Дашу к себе. Они обе спят. Моя комната свободна, ты останешься у меня.

В воскресенье он рано уехал в общежитие НИИ и отсыпался весь день. В понедельник позвонил в ГИТИС уточнить время экзаменов по актёрскому мастерству. Он заблаговременно приготовил стихотворение, басню и отрывок прозы. Вдруг ему сказали, что его экспликация по пьесе Чехова

“Предложение” комиссия не удовлетворила. На просьбу объяснить, почему, прозвучал уклончивый ответ. Он тотчас понял, что угроза сработала. На настойчивый повторный вопрос, а что всё-таки не устроило комиссию, ему после длительной паузы и шуршания бумаг прочитали короткое заключение: “Нет точного видения пьесы, отсутствует логика режиссёрского мышления, и в целом, во всей работе нет самостоятельного решения”. А последний абзац Быкова просто сразил: “В работе абитуриента Бориса Быкова просматривается отсутствие общей эрудиции, вкуса и кругозора”.

Быков давно бросил курить, но тут не выдержал, стрельнул у прохожего “Приму” и стал дымить, не зная, что делать дальше. После выкуренной сигареты снова вернулся к телефонной будке и позвонил Анне. Она предложила немедленно приехать к ней. Через час он уже был на Таганке, застал её в комнате Татьяны Ивановны.

— А что, если тебе написать экспликацию по лермонтовскому “Маскараду”? — сразу же предложила Анна. — Ты ведь бредишь этим производством, мечтаешь его поставить, вот садись и работай.

— Где я за это время соберу материал? Где напечатаю? — воскликнул Быков. — Уже завтра с утра две печатные страницы мне нужно отнести в ГИТИС.

Анна оглянулась, показала рукой на внушительную библиотеку в комнате и сказала:

— Вот перед тобой библиотека, у мамы есть пишущая машинка, садись за этот стол и пиши. Мама перепечатает, и ты ещё сегодня после обеда успеешь отвезти экспликацию в ГИТИС. Помню, ты очень интересно трактовал роль Неизвестного в “Маскараде”, вот тебе и тема. Кстати, на фоне нашей субботней истории это выглядит актуально.

Получив от Анны кипу добротной писчей бумаги, он сел за стол и начал работать. Вскоре на четырёх страницах Быков убористым почерком набросал вариант экспликации. Перечитав, он пришёл в отчаяние. В этом наброске не было ничего, что требовалось от абитуриента, мечтающего поступить на режиссёрское отделение ГИТИСа. Когда позже к нему в комнату заглянула Анна, ей стало понятно, что работа не получается. Она прочитала текст и предложила:

— Надо передохнуть, а я, если не возражаешь, покажу твой набросок маме. Пойдём, перекусим. Оставь текст здесь, на столе, мама его посмотрит.

Они пошли в комнату к Даше. Женщины пошептались, и Татьяна Ивановна быстро вернулась в свою комнату. Прошло часа полтора, прежде чем в дверь негромко постучали. Татьяна Ивановна с сочувствующим взглядом протянула Быкову три листка бумаги.

“Экспликация. Драма Михаила Лермонтова “Маскарад”. (Новое о Неизвестном) “Неизвестный в драме “Маскарад” выступает активным действующим лицом дважды — в начале, предостерегая Арбенина, и в конце, как бы подводя итог. Он не участвует в интриге, не направляет за Арбенина ход событий, но является одним из главных героев в этой истории и вводит особый смысл в неё.

Этот Неизвестный такой же, как Арбенин, только в другой жизненной ситуации. Арбенин прошёл через своё картёжное и весёлое прошлое и изменился, женился, а Неизвестный так и застрял в этом прошлом. Он так же, как и его нынешний враг в молодости, играл, выигрывал, и его бы ожидало такое же будущее: много денег, красавица жена. Но он встретился в карточном поединке с Арбениным, и тот обыграл его, обанкротил и этим сломал ему жизнь. Неизвестный больше не мог ни о чём думать, кроме как о мести Арбенину. И он посвящает этой мести свою жизнь.

Каким бы странным это ни показалось, но редкий читатель и даже театральный режиссёр-постановщик сумел заметить, что драма “Маскарад” является одним из самых загадочных произведений великого поэта. Не только в нашу, советскую эпоху, но, пожалуй, и до неё эту драму относили, как правило, к реалистическому ряду мировой литературы и драматургии, невзирая на то, что главный герой, а именно Арбенин, по своим качествам и характеру резко отличается ото всех остальных героев, что свойственно скорее романтизму.

Так о чём же драма Михаила Лермонтова “Маскарад” и главное — почему так нужен поэту в этой драме такой герой, как Неизвестный? Почему то никого не озадачивает тот факт, что Неизвестный появляется уже почти в конце, в глубине сцены, видит, как Евгений добавляет в мороженое яд, и даже не препятствует этому. При этом он не соучастник и даже не свидетель, иначе драма превратилась бы в обычный детектив, а Арбенин предстал бы перед судом. Тем не менее стереотипно считается, что Арбенин сошёл с ума, и это мнение крепко укоренилось в умах читателей, зрителей и даже режиссёров. Но это не так. Арбенин заканчивает тем, что сидит, полудрёжа, с неподвижными глазами. Что это за состояние? Обморок? Аполексический удар? Кома? Если бы налицо была смерть, драма “Маскарад” получила бы статус трагедии. В таком случае Неизвестный, произнося при этом фразу: “Я отомщён!” — превратился бы в злопыхателя и злодея, дождавшегося мести в виде жертвы невинной женщины, и стал бы одиозным интриганом, подобным шекспировскому Яго. Однако в отличие от Яго, Неизвестный вовсе не интригует. Он появляется неожиданно, и читателю-зрителю приходится гадать, кто же он. На этот вопрос Лермонтов не даёт прямого ответа. Поэт от него уходит. Уходит, вероятно, умышленно.

Однако кто внимательно вчитывается в драму “Маскарад”, обязаны обратить внимание, как представляется Арбенину Неизвестный:

*Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой:
Всегда с другим лицом, всегда в другом
Наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскараде.*

Следующая строка: “Оберегал тебя недавно в маскараде”, — вновь подчёркивает тот факт, что Неизвестный не реальная, не плотская личность. Если оберегал, то почему не уберёт? Да потому, что совесть можно и усмирить. Реальный Неизвестный, безусловно, остановил бы Арбенина в решающий момент. Ведь он видел, как Евгений добавляет в мороженое яд. К сожалению, в наших театральных постановках Неизвестный вовсе не выглядит “добрым гением”. Наоборот, в нём усматривается что-то страшно-мистическое, что-то отталкивающее. На самом деле, Неизвестный — всего-навсего обиженный на Арбенина игрок, который когда-то неоднократно ему проигрался, а теперь злорадствует, радуется несчастью Арбенина, как своей победе.

Подводя итог нашим оценкам Лермонтовской драмы, заметим: игра в карты по высшему счёту дело богопротивное, и проиграл здесь не Неизвестный как персонаж. Проиграла сама совесть Арбенина. Она взывала, она молила, а в ответ возбудила один лишь смех. Арбенин победил её в самом себе.

Да, внутри себя Арбенин всё понимает. Он лишён истинного счастья, а деньги вовсе не царь земли. Никто, кроме самого Арбенина, не знает имени убийцы Нины. Но дух раскаяния уже овладевает им. И именно Неизвестный разоблачает в Арбенине убийцу своей жены. В этом и есть главная сверхзадача лермонтовского героя.

“Маскарад” — это и сюжет из шекспировского “Отелло”, и, казалось бы, подражание “Коварству и любви” Ф. Шиллера. Тем не менее никому из перечисленных авторов не пришло в голову так и в таком качестве использовать загадочный образ Неизвестного. Сделано это гениальным Лермонтовым и сделано неподражаемо.

Абитуриент Борис Быков”.

— У вас получилось три страницы, — сказала Анина мама.

— Не у меня получилось, а у вас, Татьяна Ивановна, — ответил абитуриент Быков.

Анна взяла написанный текст и, быстро прочитав его, сказала:

— Боря, это то, что надо. Езжай, пока не поздно, в институт и отдай экспликацию в приёмную комиссию. Единственное, что надо сделать, это проставить дату.

Татьяна Ивановна допечатала дату и добавила:

— Вам следует знать, Борис, что “Маскарад” Лермонтова — мистическое произведение. Сложилось так, что днём его рождения оказалось 25 февраля 1917 года. Он стал последним спектаклем Российской империи, в котором — и отчасти прямо — смысле реквиемом по ней. И ещё: мало кто знает, что перед спектаклем Мейерхольд за кулисами повторил слова Владимира Теляковского — директора Императорских театров: “Надо быть совсем слепым, тупым, чтобы не чувствовать, что дальше так нельзя править страной”... Так что ваш замысел, Борис, несёт отблеск больших и важных перемен. Впрочем, у вас всё впереди, и рано об этом думать.

Быков в знак согласия преклонил голову и поехал в ГИТИС. Поздно вечером он позвонил Анне и сообщил, что экспликацию приняли, на этот раз говорили очень вежливо, и он допущен к экзаменам. Попутно он рассказал, что обещал Эдику отметить новоселье и проставиться.

— Где ты это хочешь сделать, в пустой квартире? — спросила она.

— А что, сделаем шведский стол, а сидеть будем на ковриках, как японцы.

— А почему бы тебе не купить что-нибудь в квартиру?

— Что?

— Ну, хотя бы польский гарнитур на кухню. А можно, если хочешь, обустроить и всё жильё. Были бы деньги.

— Деньги как раз есть, но у меня нет времени. Практически я всю неделю буду сдавать экзамены. Это же надо ездить по магазинам, выбирать, торговаться, я это совсем не умею. У нас в общежитии всё по минимуму, и мы привыкли.

— А тебе и не надо это уметь. Есть человек, который это делает быстро, хорошо и продуманно. Какой метраж твоей квартиры? Это хоть ты знаешь?

— Знаю: кухня восемь метров, комната девятнадцать. Прихожая около четырех, а санузел совмещён с ванной. Аня, всё, что ты советуешь, правильно, но кто этим обустройством будет заниматься? Ты, что ли?

— Bravo, догадался! Давай завтра с утра приезжай к нам. Привози деньги, ключи и адрес. Мы с тобой обговорим, что нужно в первую очередь, я всё куплю и перевезу в квартиру.

— Подожди, а кто это всё разгрузит, кто поставит по местам?

— Не волнуйся, у меня есть хорошие люди — соседи по коммуналке. С тебя только напитки и закуски. Оставь на это дополнительные деньги. Девочки придут, всё наготовим, а проигрыватель я притащу свой. Из-за Дашки столько месяцев ни одной пластинки не слушала. Соседи уже въехали?

— Не знаю, наверное, кто-то уже появился. А что?

— Пошумим, хороший сабантуй устроим. Новоселье всё-таки. Ну и, конечно, надо дом обжить.

— В каком смысле?

— В простом, пролетарском. Пока. До завтра. Приезжай пораньше, чтобы успеть всё сделать с утра.

На следующее утро Быков к девяти уже был у сберкассы. Но и в это время стояла очередь. Когда дошли до него, было уже без четверти десять. Он снял со сберкнижки две тысячи из пяти полученных за проданные по негласным правилам дом и участок, позвонил Анне и, поймав такси, поехал на Таганку. Аня встретила его в боевой готовности. На столе были разложены разные журналы с иллюстрациями гостинных наборов. Стенка “Онега” ему понравилась больше всего, но цены кусались. “Онега” стоила две тысячи девятьсот. Однако в подборке так называемых “спортивных гарнитуров” он нашёл то, что его устроило. Это был недорогой и подходящий набор мебели. Весь гостинный набор стоил тысячу двести. С кухонным гарнитуром всё было проще. Польский стоил пятьсот рублей. Он был и красивым, и лёгким, и вполне подходил к восьмиметровой кухне. Когда

Анна подвела баланс, оказалось, что денег хватает. В одиннадцать в дверь Анны постучали. Это был сосед, который доложил, что погрузочная бригада в полном составе ждёт её в машине. Они вышли на улицу, где был припаркован большой “газик” с закрытым кузовом, на котором было написано “Детская парфюмерия”. На боку кузова был нарисован маленький слонёнок, хобот которого упирался в “Знак качества”. Чуть ниже крупная надпись: “Хороший подарок детям”. Быков передал Анне ключи от квартиры и бумажку с адресом. Условились, что он после первого тура придет в новую квартиру. Когда Аня уселась рядом с шофёром в грузовик и помахала ему рукой, Быков сказал себе: “Как повезло!”

Экзамены в ГИТИС на режиссёрский факультет шли в два тура. Поступающий ждал своей очереди, читал приготовленные вещи экзаменационной комиссии, а потом всем участникам приходилось долго ждать: пропустили их дальше или нет. На это уходило много времени, и нетерпеливые абитуриенты слонялись где-нибудь поблизости или сидели в кафе неподалёку от театра Маяковского.

Когда Быков узнал, что его пропустили на второй тур, он схватил такси и с нетерпением поехал на Ждановскую. Кооператив “Элемент” строился ускоренным способом. Его председателем был племянник академика Коростылёва, поэтому рядом с домом уже обустроена площадка для автомобилей, и к тому же на одном из заседаний правления племянник сообщил, что есть договорённость с московским телефонным узлом, что дом в ближайшее время будет телефонизирован.

Таксист доставил Быкова прямо к третьему подъезду, и он, расплатившись, буквально взлетел на второй этаж. За дверью звучала музыка, кто-то пел. Когда Аня открыла дверь, то первое, что он почувствовал, это запах жареного мяса. Быков так привык, что вся его жизнь, в том числе и обеды, проходили на людях, что, увидев, как его встречает любимая женщина в его собственной квартире, он от волнения попросту ошалел. Слёзы накатили на его глаза. Он подумал, как жаль, что мать не дожидается до этого долгожданного момента. И действительно, было чему удивляться. Справа в прихожей он увидел закреплённую вешалку, а впереди, в проёме двери на кухню, белый стол с четырьмя белыми табуретками. В большую комнату дверь была закрыта, и оттуда лилась музыка. Аня, наподобие гида, широким жестом пригласила его на кухню, где уже был приготовлен салат и стояли бутылки вина. На газовой плите в большой сковородке под крышкой журчало мясо. Окна были распахнуты, и вдалеке виднелось название ресторана “Вешняки”, находящегося в двухстах метрах от дома. Набрав дыхания, Аня изобразила что-то вроде туша и распахнула дверь в комнату. То, что увидел Быков, невозможно было передать словами. Он начал мычать, целовать Анну и неожиданно развалился на ковре, который как покупка не предусматривался. Весь гарнитур был расставлен с учётом метража: диван с тумбочкой уместился в одной части, кресла у стены в центре, а посередине комнаты стоял покрытый скатертью стол с шестью стульями.

— Когда я увидела этот ковер, я вспомнила твою идею принять гостей как японцев — сидя на ковре. Я не удержалась и в соседнем магазине купила вот это чудо. Он, конечно, дорогой — сто восемьдесят семь рублей, но зато размер — два на три и какой красавец. А это, — она показала на замолкший при виде хозяина электрофон, — мой тебе подарок. “Юность-301”. Новая модель Ленинградского объединения “Спутник”. Вот прикупила и пластинки. Теперь у тебя целая коллекция. Есть и твой любимый Шаляпин. — Она поставила пластинку, грянул оркестр и пошли “Очи чёрные”. Когда вступил хор, Быков не удержался и, схватив Анну, принялся с ней танцевать, подпрыгивая от радости и подпевая Шаляпину.

— Слушай, — сказала она, когда они успокоились, — а у тебя, кажется, есть голос.

— Спасибо, но сейчас этот голос хочет есть.

Они устроились на кухне и принялись ужинать под пение Шаляпина. Он быстро разделался с мясом и салатом, выпил вина и, когда Шаляпин стал исполнять “Прощай, радость, жизнь моя”, Быков принялся подпевать.

Голос у него был скорее баритон, чем бас, но радость, которая переполняла его в этот вечер, делала его пение волнующим, сильным; голос летел через открытое окно во двор, на улицу.

Позже, когда он вспоминал этот день, удивлялся, как он был счастлив тогда. В памяти всплывали шуршание пластинки на подаренном проигрывателе, голоса прохожих на улице Вешняковской, шум автобусов, позднее чириканье птиц и, конечно, незабываемое исполнение Шалапиным песни, которая вошла в его жизнь и навсегда соединилась в воспоминаниях с Анной. Со второй части он уже пел в полный голос, чувствуя, как текст песни созвучен истории их любви. Доверительная обстановка, возбуждение от того, что в один день так много удалось сделать, подталкивала их к новым впечатлениям; им хотелось чего-то необычного, яркого, ещё бóльших, дополнительных эмоций. Они пели дуэтом, потом танцевали, потом на новом ковре играли в бутылочку и по очереди целовали друг друга. Когда вино закончилось, обоих привлекла светящаяся издали реклама ресторана “Вешняки”. Недолго думая, они вышли на улицу и через пять минут уже были в ресторане. Народу в ресторане оказалось немного. Официант предложил меню. Салат “Столичный”, отварная курица, маринованный виноград, розочки из отварной моркови, свежие огурцы. Из горячих блюд эскалоп, ромштекс и лангет. Свиная котлета к двумстам граммам водки им показалась верхом блаженства. Она была на косточке, манила румяным жирком, и вскоре они забыли, что ресторан похож на заводскую столовую, что кухня — так себе, что водка тёплая, а оркестр из пяти лабухов играет одно и то же: “Чубчик кучерявый”, “Дорогой длиною”, “Купите папиросы”. И только одну вещь, новый шлягер композитора Тухманова “Эти глаза напротив”, посетители ресторана заказывали за деньги и чаще всего. На все эти мелочи они не обращали никакого внимания. Им хорошо, они счастливы. Оба понимали, что отныне у них есть гнездо, где им Господь позволил строить новую жизнь. В подтверждение этого Быков совершил необычный поступок. Когда они вернулись к себе, он, открыв дверь, взял Анну на руки и, как невесту, внёс в дом.

Утром оба проснулись от тревожного звонка. Когда Быков открыл дверь, его ждал сюрприз. Перед ним стояли два мужика с телефоном и уже подведённым из коридора кабелем. Анна быстро оделась, пропустила связистов в комнату, и вскоре они услышали, как один из мастеров докладывал, что телефон по адресу улица Вешняковская установлен. Один из связистов торжественно передал Анне номер телефона, и, получив от Быкова пятёрку, ранние гости ушли.

С утра надо было поехать на консультацию в институт, поэтому, не позавтракав, Быков выскочил первым. Договорились, что Анна уже начнёт всех обзванивать по поводу будущего праздника.

Анна очень хотелось закрепить тот успех, который она возымела во время посещения спектакля Быковым. В ближайшие дни шли премьерные спектакли, и стало известно, что на следующее представление приедет сам Аникст, большой друг и поклонник Агнии Барто. Он хоть и был шекспироведом, но писал и театральные рецензии. О Джемме в этой премьере уже написали, Аня мечтала, что Аникст напишет о ней.

Надо отметить, что актёрская среда в советское время мало чем отличалась от той, которую оценивал Чехов, знавший закулисы “от и до” и к тому же женатый на актрисе. У него довольно рано появилось понимание того, что в мире театра существует червоточина, которая заставляет опасаться за будущность театрального искусства. Чехов прямо говорил: “Актёры — народ порядочный, но невоспитанный, а театр — не портерная и не татарский ресторан...” Анна всё это знала, но состояние эйфории, которое охватило её, затмило разум и притупило чутьё. Она с воодушевлением приглашала тех, кто свободен, на новоселье, диктовала, как она сообщала, свой новый телефон, рассказывала, как добраться от метро “Ждановская” до их дома. Все предварительно соглашались, аккуратно записывали и адрес, и телефон, и время, но приехали на новоселье только трое: Джемма, Эдик и Ольга Аленина.

Если приглядеться к статистике природных аномалий хотя бы за последние годы, станет очевидно: наша планета пустилась во все тяжкие и, как пугают нас последователи Нострадамуса, того и гляди “налетит на небесную ось”. Катаклизмы и необъяснимые явления следуют друг за другом, они стали случаться даже в тех районах Земли, где люди отроду не знали никаких природных напастей. Не исключено, что скоро Земля не сможет носить на себе почти семимиллиардное население, и оно должно будет сократиться в несколько раз с помощью тех же природных катастроф, а возможно, и помимо них!

Вся эта театральная история, о которой идёт рассказ, с этого дня покапталась с горы, как природная аномалия, как сель. Да, вначале было потепление, потом стало горячо, закипела лава, и следом понеслась стихия. Стихия человеческих отношений, то, что Чехов в применении к театру назвал чертовщиной.

Все трое пришли ровно к семи часам. Пришли не с пустыми руками. Джемма где-то раздобыла два бюста — Станиславского и Менделеева. После того, как все изучили обстановку, всё потрогали, на всё поцокали, началось застолье.

Один известный актёр рассказывал Быкову, что однажды, принимая гостей, он поставил записывающее устройство и забыл про него. Утром, когда он прослушал запись, то пришёл в ужас. В нашей истории случилось нечто подобное: через полчаса выпивки началось чёрт-те что. От радости, что подруга так устроилась, Аленина и Смоленская решили пить не вино, а коньяк. При этом с каждым тостом всё больше восхищались хозяйкой дома, сравнивая её то с Дорониной, то с Фрейдлих.

— Вот посмотришь, ещё немного, и тебя заметят, снимут в кино, и капец всему этому фуфлу, которое сейчас на экране, — кричала Аленина, ставшая от коньяка неуправляемой.

Анна от тёплых слов и завышенных оценок расчувствовалась, прослезилась и потеряла контроль. Когда она стала рассказывать о том, как её принимали во время спектакля по Агнии Барто, то неосторожно задела Джемму, которая играла эту же роль в первом составе:

— Многие говорили, что я в этой роли ничуть не хуже, тебя Джемма, и вот, посмотрите, придёт Аникст, и все это поймут.

Тут Аленина внезапно со звоном бросила вилку. Вилка разбила тарелку, но никто на это не обратил внимания. Добавив ещё коньяку, она с обидой за подругу и замечательную киноартистку вдруг закричала:

— Как тебе не стыдно, Анька! Джемма специально, по твоей просьбе заболела, чтобы ты, провалившая роль во время репетиций, показала перед твоим хахалем. А что делаешь ты? Ты внаглую звонишь завтруппой и, не спросив согласия Джеммы, назначаешь себя на следующий спектакль. Куда это годится? Это свинство, Аня! Я тебе по дружбе скажу: ты одним местом привыкла пробивать дорогу. Помню, как ты охмуряла Снидовича... Конечно, Снидович сука, с этим, — она указала на Бориса, — его не сравнить — квартиру принёс тебе на ладони. Но за что ты обидела Джемму? Свою лучшую подругу!

— Неправда, — не сдерживаясь, крикнула Анна, — я после спектакля ей позвонила, даже пригласила в ресторан ВТО, чтобы отметить премьеру, но она мне сказала, что больна и что у неё “эти дни”... Послушайте, до меня дошло! Откуда стало известно, что мы с ББ после спектакля пошли в ресторан и почему там появился Снидович с Шабановым? Кроме Ольги и Эдика, не знал больше никто, кроме Джеммы.

Ярость и волна гнева захлестнули Анну. Она вскочила и чётко, словно произнося приговор, стала выкладывать всё, что думала:

— В этот вечер по дороге я позвонила Джемме и пригласила в ресторан. А что сделала Джемма, моя любимая подруга? Она тотчас донесла Снидовичу и сообщила, что мы с Быковым идём в ВТО. Дальше было проще: Снидович, который неоднократно снимал Шабанова, позвонил ему, и они вместе при полном зале устроили нам в ресторане экзекуцию. Только случайно дело не дошло до драки! — Анна обернулась к Джемме и крикнула: —

Спасибо тебе, подруга, за эту любовь и за подаренную возможность сыграть роль. Ты многие годы прикидывалась моей подругой, а втайне, оказывается, ненавидела меня. Ты втёрлась в доверие, звонила моей маме, интересовалась её здоровьем, рассказывала, что мы — не разлей вода. Но как только мне повезло и появился намёк на успех, ты устроила западню, чтобы посмотреть, как мы с Быковым пойдём ко дну. Такие поступки называются предательством. Ты думала, что всё сойдёт с рук, что никто не догадается, что это твоих рук дело! Ошибаешься! Ты всё предала, Джемма, правильно сказано: не бойтесь врагов, бойтесь друзей. Видеть тебя не могу!

И Анна, зарывав, метнулась в кухню. Борис последовал за ней, туда же прибежали Эдик и Ольга. Стали успокаивать. Отреветившись, Аня попросила Быкова:

— ББ, сходи, посмотри, там она или смылась.

— Хорошо, — ответил Быков, чувствуя, как его сильно развезло от всего происходящего. Войдя в комнату, он увидел Джемму, сидящую на диване и плачущую. Стало жалко её, он подсел:

— Джемма...

— Всё потому, что я люблю тебя! — вдруг ошарашила она его. — Полюбила с первого взгляда. Там, на юге. Зачем тебе эта бездарная? Может, она хорошо целуется? Я умею лучше! — И, набросившись на опешившего Быкова, она впиалась в его губы так, что он не мог её оторвать от себя. В следующий миг к ним подбежала Анна, сильным движением отбросила Джемму и вlepила Быкову такую пощечину, что ему показалось, голова оторвалась и улетела.

В следующее мгновение Анна ринулась в прихожую, схватила сумку и выскочила из квартиры. Быков замешкался, его жгла обида, наконец, он кинулся за ней, но поздно. Кто-то так не вовремя подвернулся на машине, посадил Анну, и та выкрикнула адрес. Быков выскочил на дорогу, хотел остановить машину на повороте, но не сумел. Он пошёл в магазин, купил сигареты и, с непривычки захлёбываясь от кашля, стал курить. Курил и шёл по улице куда глаза глядели. В глазах всё плыло. Он шёл довольно долго. Наконец, подвернулась телефонная будка, и он стал звонить Анне.

— Татьяна Ивановна, если Аня уже приехала, позовите её, пожалуйста.

— Она не хочет с вами разговаривать.

Он стал названивать через каждые пять минут. Длинные гудки сверлили мозг. Наконец трубку взяла Анна. Он не успел ничего сказать, как услышал:

— Слушай ты, ББ! Больше мне не звони, предателей я ненавижу!

Раздалась гудки, он положил трубку и направился к дому. В квартире тихо играла музыка. Казалось, что никого нет. На кухне всё оказалось убрано. Чистые тарелки горкой лежали под полотенцем. Он вошёл в комнату. Все гости ушли, и лишь Джемма лежала на диване, с улыбкой ожидая его.

Прошло несколько дней. Быков не звонил Анне, она тоже с ним не связывалась. Наконец, он сдал последний экзамен и увидел на доске объявлений приказ о зачислении. Отныне он был студентом самого знаменитого театрального института страны. Душевный подъём был настолько велик, что Быков пригласил четырёх сокурсников в кафе, находящееся рядом с театром Маяковского. Вечер удался: много выпили, почти не спорили, хотелось всем расслабиться и больше узнать друг о друге. Быков был в центре внимания. В нём прорезалась какая-то объединяющая сила. Видно было, что сокурсники к нему тянутся.

Когда застолье заканчивалось, официант вручил Быкову записку на салфетке.

— Это вам. Человек, который вам её передал, сидит в другом зале, выше этажом. Он ждёт вас.

Борис развернул салфетку и увидел надпись. Красным цветом: “KF6!” Быкова прошиб пот, он мгновенно протрезвел. На последовавшие вопросы сокурсников, что за таинственный код указан на салфетке, отделался

междометиями. Он не позволил никому расплачиваться, выложил кругленькую сумму и, распрощавшись со всеми, пошёл наверх.

Второй этаж был для избранных. Здесь проводили время крупные чиновники, дельцы и деловые люди, редко писатели и художники. Знакомый официант показал на угловой стол, за которым сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти. Длинные волосы. Быкову даже показалось, что он в парике. Худое удлинённое лицо напоминало лицо Гоголя во дворе перед музеем на Никитском бульваре. Словно давний знакомый, человек помахал Быкову рукой, всем своим видом давая понять, что встреча не случайная. Когда взволнованный и недоумевающий Быков подсел к столу и с недовольным лицом развернул салфетку с надписью хода, сделанного в июне в Сочи, он подумал, что этот незнакомец опасный человек.

Тот не выразил никакого желания поздороваться, не сделал ни малейшего движения, чтобы поприветствовать приглашённого; более того, он сразу начал говорить тоном, не терпящим возражения.

— Похвально, очень похвально, молодой человек, что пригласили своих сокурников и лично оплатили банкет. Широко жить и быть хозяином жизни похвально, но и опасно.

— Чем же это опасно? — возмутился Быков.

— Всяческие обсуждения тех или иных вопросов, могущих привести к однообразию, то есть к тому, что называется общим мнением или единодушием, для нас нежелательно. Мы не любим и не даём возможности сгруппироваться огромным массам людей, которые из-за враждебности и зависти могут поглотить тех, кто принимает решения.

— Вы из КГБ? — напрямую спросил Быков.

— КГБ — это пёстрый сброд, это маскарад. Им только кажется, что они управляют миром. Есть силы, которые посущественнее, вот они и направили меня к вам.

Он взял салфетку, аккуратно расправил её и указал на красный силуэт написанного хода конём.

— Как вы понимаете, мы знаем всё: знаем, что вы выиграли партию нечестно, знаем, кто подсказал вам этот ход, и знаем ту, кто способствовал вашей победе.

Быков, прислушиваясь к голосу и вникая в смысл, с ужасом видел, как этот таинственный незнакомец напоминает того старика-критика, который в Сочи пугал его наказанием, чуть ли не дуэлью за “совершённое преступление” по отношению к своему другу. В памяти всплыли грузины, их бегство с Аней из Сочи. Неужели всё это звенья одной цепи? Неужели этот пустяк — проигрыш в шахматах — мог засесть занозой в голове Шабанова и подвигнуть его так долго мстить? Неужели недостаточно унижения, которое он пережил, когда ему завернули первую экспликацию? Разве мало того, что он испытал в ВТО, когда не дал плюнуть себе в лицо на глазах переполненного известными людьми ресторана? Когда это закончится? — лихорадочно думал он. — Что он должен сделать, чтобы эта ошибка так долго не преследовала его?

Незнакомец словно подслушал его мысли:

— Нас больше не волнует ваша сомнительная победа, — заговорил он снисходительно. — Более того, я готов рассказать вам, кто вас дезавуировал и предал.

— Кто? — неистово воскликнул Быков.

— Всё, что связано с вами, характеризуется в одном изречении: “Шершэ ля фам” — “Ищите женщину”, оно целиком характеризует вас как мужчину. Когда мужчина ведёт себя необычно, когда мотивация его поступков неясна, когда он начинает роман с одной, потом перебрасывается на другую, влюбляется в третью и не брезгает пользоваться услугами четвёртой, годящейся ему в матери, таких мужчин мы называем определённым словом. Да-да, мужчина, который влюбляет в себя молодую женщину и начинает жить за её счёт, получая всё, — билеты в партер Большого театра, звёздные знакомства и в довершение путёвку в закрытый санаторий, таких мужчин мы называем альфонсами. Вы делаете удивлённое лицо, вы с этим

не согласны? Тогда мы идём дальше. В санатории этот альфонс разворачивается в полную силу: заводит роман с одной, другой, потом третьей... Выигрывает турнир, влюбляет в себя женщину, которая помогает ему при поступлении в институт. Но здесь “не в коня корм!” После провала профессиональной работы по режиссуре этого альфонса спасает другая женщина. Вместо него она пишет новую экспликацию. Мы зарубили и её, но произошло непредвиденное: после звонка вашей знакомой народный артист СССР, руководитель кафедры внезапно берёт вас под защиту. Вас — химика, случайно попавшего в театральный мир. Сегодня вы празднуете победу, шикуете, расплачиваетесь за успех, который вам не принадлежит. Но помните: вы победили временно! И успех ваш случайный! Жизнь длинная, и в дальнейшем мы сделаем всё, чтобы вы проиграли. Но! Но у вас есть выход. Вы сумеете удержаться и стать тем, кем вы мечтаете, только при одном условии.

— Каком? — нетерпеливо спросил Быков

— Если выполните одно наше требование.

Незнакомец полез в карман и вытащил конверт.

— Вот две тысячи долларов. Они ваши, если вы поклянетесь, что больше не посмеете встречаться с одной женщиной.

— С кем? С Анной Тарасовой?

— Да, с Анной Тарасовой. Да, она была замужем за человеком, который сделал ошибку, но которого мы уважаем. Да, случилась беда, они разошлись. И вот, когда всё уже возвращалось на круги своя, появляетесь вы — донжуан и растлитель. Вы влюбляете в себя эту женщину и срываете наши планы. Поймите, у нас есть незыблемые законы. В преемственности поколений наша сила, наша стабильность, если хотите, наше бессмертие... Мы физически слабее вас, и это естественно. Вы можете заниматься любым трудом, вплоть до чёрного, вы способны накачивать мускулы, хватать, жить мифами, мы — другое дело, мы избранные сыновья... — Незнакомец загнулся, приоткрыл конверт и показал, что он не пустой. — Итак, ваше решение?

Быков готов был закричать, обругать этого наглеца, послать матом, наконец, избить, но его будто парализовало.

— А если я откажусь? — через минуту сказал он. — От денег, от вашего предложения... Если я скажу, что я ни капли не боюсь вас и больше того — презираю? Что вы мне сделаете? Убьёте? Так на миру и смерть красна!

— Вот только не надо пафоса! Не надо героической позы. Среди таких, как вы, героев не бывает.

— Неправда! — резко ответил Быков. — У моих предков тоже есть свои ценности. Им не раз доводилось сражаться и за правое дело, и защищать близких, и родной край... Не все из нас продаются за вот эти бумажки.

Он взял пакет с деньгами, взвесил его на ладони и, схватив конверт за край, хлестнул им по физиономии незнакомца. Тот вскрикнул, но Быков словно оглох. Он замахнулся, чтобы ударить, но какая-то сила его остановила. Он плюнул, развернулся и быстро пошёл к выходу. На улице он стал искать такси, но вспомнил, что все деньги ушли на застолье. Тогда он спустился в метро и поехал на Таганку. Он не хотел звонить, он хотел увидеть Анну, узнать всю правду о его поступлении и выложить всё, что его сейчас волновало.

Дома он застал обеих женщин. На вопрос, был ли звонок по поводу его поступления, Татьяна Ивановна не стала запыряться:

— Это была своевременная мера, потому что против вас был форменный заговор. А теперь можете уходить.

— Конечно, такому альфонсу, как я, нечего делать в вашем благородном семействе! — Он в гневе пометался по комнате. Выпалил: — Эх, Аня, а я так любил тебя! — Хлопнул дверью и, выскочив во двор, поехал на Ждановскую. Около дома он увидел Джемму, сидящую в тени неподалёку от его подъезда.

— Что тебе надо? — спросил Борис грубо.

— Объясниться.

— Нам не о чем разговаривать. Что ты не подстраивала конфликт в ресторане ВТО, и что всё получилось не по твоей наводке, я не верю.

— И всё же послушай меня, Борис! — взмолилась Джемма. — Присядь, пожалуйста.

— Ну, хорошо. — Он сел рядом с ней на скамейку. — Только недолго.

— Послушай... Ты знаешь, что я была замужем за Хоботовским. Он пил, скандалил, без конца ревновал. Разведясь с ним, я осталась одна с сыном. На все ухаживания отвечала отказом. А вились вокруг меня многие. Сохранив большие связи в кино и вращаясь среди избранных, я в театре стала своего рода законодательницей мод. В коллективе была на хорошем счету, со мной считались, ролями, чтобы не ушла в другой театр, не обделяли, и с большинством коллег я была в дружеских отношениях. К Тарасовой я относилась с подчеркнутой доброжелательностью. Анна была из актёрской среды, в которой о её матери, в прошлом ведущей актрисе “Ленкома”, ходили разные слухи и сплетни. В послевоенное время театральная закулиса с особым интересом сплетничала о знаменитом треугольнике в “Ленкоме”. В результате этой связи родилась девочка, которую записали почему-то на фамилию матери. Обо всём этом я узнала на съёмках от одной старой актрисы, служившей в послевоенные годы в “Ленкоме”. Поэтому в моих глазах Анна была не просто дублёрша, а актриса, происхождение которой отмечено печатью родового достоинства. К сожалению, все эти свойства напрочь отсутствовали во мне. Я ведь никакая не Джемма и не Смоленская. Родилась в деревне Смоленской области. Несмотря на известность, будучи ведущей актрисой театра, я втайне завидовала Тарасовой. Породность, стать... У меня этого нет.

— Это да, — хмыкнул Быков. — И что дальше?

— Выслушай, умоляю! Ухаживание Снидовича и участие Тарасовой в его телепрограммах стали менять положение Анны в театре. Её всё чаще назначали моей дублёршей. Когда прошёл слух, что Анна Тарасова выходит замуж за телевизионного режиссёра Аркадия Снидовича, большинство в театре были разочарованы. Все шептались, что красавица Анна выбрала мужа не по себе и явно с расчётом, что, мол, хитрован и пролаза Снидович будет её снимать. Но Снидович так изобретательно ухаживал за Анной, так добивался её расположения, что она сдалась. Я напросилась быть свидетельницей у них на свадьбе. Я должна признаться, что у меня со Снидовичем до появления Анны было. Сам знаешь, что. И потом, после их развода.

— А во время?

— Во время их брака? Ни-ни! Что ты! А когда они развелись, мы снова стали встречаться. Снидович помогал ребёнку, но подробности жизни Анны мог знать только от меня. Когда его скоротечный роман с женой дирижёра закончился, Снидович через меня стал активно восстанавливать отношения с бывшей женой. Зная характер Анны и её стойкую неприязнь к бывшему мужу, я восстанавливала их отношения ненавязчиво и умно. Однако жизнь с маленьким ребёнком, больной матерью, к тому же в нужде, навалившейся после ухода мужа, вносила свои коррективы. Видя, как Снидович искренне привязан к дочери, Анна смягчилась и готова была снова сойтись с бывшим мужем. Единственное, что её не устраивало категорически, это отъезд из страны. Снидович еврей и собирался мотануть в Израиль. Забрать Анну и дочь. А из Израйля хотел уехать в Америку. Там у него родной дядя, продюсер в Голливуде. А в Москве у него другой дядя, который предлагал тебе деньги за то, что ты навсегда откажешься от Ани.

— Так вот кто это! — усмехнулся Быков. — Я чуть не придушил его.

— Короче, постепенно Снидович подбирался к Тарасовой. Но тут она поехала в Сочи и встретила тебя. Но я первая влюбилась в тебя по уши! А когда сейчас узнала о твоём поступлении в ГИТИС, хотела поздравить, сто раз звонила тебе. А ведь Шабанов из кожи вон лез, чтобы тебя не приняли. Я вот тут вино купила, тортик...

— Ладно уж, пошли, — смилостивился Быков.

Дома он не стал пить вино, достал из недавно купленного холодильника водку и налёг на крепкое. Настроение у него было отвратительное, но живое

лицо, влюблённые глаза женщины хоть отчасти отвлекали от пережитого. Он было размяк, но вдруг резко спросил:

— Скажи честно, зачем ты это сделала?

Джемма вздрогнула и уставилась на Быкова с недоумением:

— Что сделала?

— Что? Не юли, я всё знаю. Зачем ты рассказала Шабанову про подсажку хода “Конь F6”? Посмотри, как из-за этой ерунды, практически мелочи — проигранной партии — раскрутилась история, похожая на войну. Мне грозили дуэлью, я выслушал кучу гадостей, меня хотели прокатить с институтом. Я возненавидел всё: шахматы, себя и всё, что связано с этой историей. Ты приехала меня поздравить — спасибо, но... Кроме тебя это не мог сделать никто!

Из глаз Джеммы покатались слёзы.

— Что, разве не так? — спросил Быков сурово.

— Не так, — тихо сквозь слёзы сказала она и начала краем полотенца вытирать глаза. — Всё было не так!

— Тогда как? Расскажи, я хочу знать, кто стал “кротом” в этой истории. Не Анна же? То, что это мог сделать Эдик, я не верю. Тогда кто?

— Быков, твоя беда, что ты не человек, ты — ветер. Тебя несёт и уносит. Куда? Неважно. Принципиально одно: ты на свою задницу всегда находишь приключения. Куда бы ни унёс тебя ветер, почти гарантированно у тебя всё заканчивается сериалом. До встречи с Анной ты не сильно переживал о последствиях, они тебя мало заботили. Ты приехал в санаторий с прелестной девушкой из Большого театра. Она была к тебе неравнодушна, так?

Быков кивнул головой:

— Ну, допустим.

— Но ты её кинул, вернее, переправил к режиссёру из оперного театра, потом ты покрутил с другими... Что, неверно?

— Ну, допустим, — снова произнёс Борис.

— Среди твоих мишеней в санатории была ещё одна — страшенькая и обидчивая... Она каким-то образом узнала о турнире и была свидетелем твоей игры... Позже она видела тебя с балериной в ресторане. При личном знакомстве рассказала ей, что ты переспал с ней, только потому, чтобы она не сболтнула, как ты выиграл.

— Враньё — не переспал!

— Верю. Уж больно она страшенькая.

— Короче!

— Короче, Шабанов подкупил грузин, чтобы они отколотили тебя на пляже, Шабанов подстроил экзекуцию в ВТО, чуть не сорвал твоё поступление в институт. “Кротом” были твои поступки. В тот день, когда я увидела тебя на море, я, как и Анна, в тебя влюбилась. Она оказалось смелее, голоднее и сразу бросилась на тебя. Я так не смогла, но влюбилась не меньше. Я и сейчас люблю тебя. Вот, я включу сейчас музыку, потанцую с тобой и — уеду! Эта наша последняя встреча. Больше я на твоём пути не появлюсь.

Джемма включила проигрыватель, обняла Быкова, и они стали танцевать. Музыка звучала громко, пронзительно, и они не заметили, как открылась дверь и в прихожую вошла Анна. Увидев танцующих Джемму и Быкова, она недолго постояла, пристально вглядываясь в их лица, затем прикрепила ключи к внутренней дверной ручке и стала медленно закрывать дверь. Ворвался сквозняк, да такой, что дверь хлопнула и ключи упали на пол. Быков отстранил Джемму и прошёл в прихожую. На полу он заметил ключи, которые раньше были у Анны. Он быстро выбежал из квартиры, сбежал вниз, толкнул тяжёлую дверь подъезда и увидел Анну в отъезжающей машине. За рулём сидел Сидович.

Через месяц Быков нашёл в почтовом ящике письмо:

“Ещё при первой встрече я Вас просила: не обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу по ней, что она Вас полюбила. Второго удара она не выдержит. Вы не послушали и наступили на неё и на меня. Вы обиделись, как мальчишка, на то, что вам помогли, помогли искренне и бескорыстно. Но Вы

предпочли уйти в кусты, махнув хвостом, как дворовый кот. Я искренне ненавижу Вас! Из-за Вас моя девочка ушла из театра и уехала с дочкой и любимым мужем в другую страну. Когда она уезжала, то вспомнила слова, предназначавшиеся для Вас. Вот они:

*И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?*

Вы, Борис, оказались пародией, хотя так стремились быть порядочным человеком. Прощайте! Не вздумайте мне отвечать, я даже почерк Ваш не хочу видеть. Т. И.”

После этой истории жизнь Быкова долго не складывалась. Окончив ГИТИС, он уехал в провинцию, где дослужился до руководителя театра. В перестроечных восьмидесятых он женился на испанке и более двадцати лет скитался по зарубежью, ставя спектакли в разных театрах. У него родилась дочь. В начале двухтысячных он отправил жену с дочерью в Москву для поступления в ГИТИС на музкомедию. Сам он собирался ехать следом, как только закончит спектакль по пьесе Педро Кальдерона “Жизнь есть сон”. Иногда эту пьесу он ассоциировал с собой, потому что в ней был конфликт между судьбой и долгом, человеком и природой, властью и личностью. В этот раз постановка у него наконец-то получилась. В день премьеры в лиссабонском драматическом театре Королевы Марии Второй и банкета по случаю выпуска спектакля Быков вместе со своим переводчиком Рамосом направился в гостиницу. Они хотели продолжить теперь уже прощальный разговор в баре ресторана “Granja Velha”, находящегося рядом с площадью Россиу. Неожиданно Рамос предложил поужинать у него. От гостиницы это было недалеко, и через пять минут они оказались в небольшой квартире, где их встретила жена Рамоса Ева. Когда ужин подошёл к концу, чтобы развлечь гостя, Ева — певица знаменитого испанского хора “Каталонский Орфеон”, нашла в коллекции русских пластинок Шаляпина и предложила Быкову послушать, как она выразилась, “русского гения”. Быков посмотрел на пластинке номера и попросил поставить русскую песню “Прощай, радость, жизнь моя”. Он стал слушать, и вдруг у него безотчётно полились слёзы. Он вспомнил Анну. Вспомнил, как они более четверти века назад сидели в его однокомнатной квартире и пели эту песню. Увидев, как расчувствовался гость, Ева сказала:

— Мне тоже нравится эта песня. Я слышала разное исполнение этой композиции. Но больше всего мне понравился один молодой израильский певец русского происхождения. Правда, он, в отличие от Шаляпина и канонов исполнения этой песни, меняет строчки в этой вещи. Вот эта пластинка. Я купила её в прошлом году в Тель-Авиве.

Быков взял пластинку и, найдя очки, стал рассматривать фотографию и сопроводительный текст, представляющий артиста. Рамосов Фёдор Борисович, выходец из творческой семьи репатриантов из России. Быков окаменел и на полминуты замер почти в недвижимом состоянии.

— Что случилось? — воскликнул Рамос, принесший кофе на большом подносе.

Быков протянул пластинку Еве и крикнул:

— Поставьте его!

После первых аккордов полился серебристый с насыщенным тембром баритон с необычайным способом исполнения. Казалось, что певец пел экспромтом, импровизируя на сиюминутно заданную тему. Когда в середине песни певец изменил слово “май” на “июнь”, ошарашенный Быков продолжал слушать:

*Ты, девчоночка, меня
Ты одна меня тревожишь,
Одна решила мой покой...*

Когда певец перешёл на микст и дошёл до слов: “Ой, темна ночь, ой, ноченька, Эх, да не спится”, Быков потерял самообладание:

— Продайте мне эту пластинку! Заплачу любые деньги! Умоляю!

Супруги переглянулись и вручили пластинку в подарок. Придя в номер и лёжа всю ночь с открытыми глазами, Быков вспоминал до мелочей всю свою жизнь. Пред ним в каком-то сияющем ореоле царила Анна, его Анна, единственная женщина, которая подарила ему такого сына.

Через несколько дней он вылетел в Москву. Смотрел на облака в иллюминаторе и мечтал о встрече. Вчера он узнал о том, что Фёдор Тарасов вскоре прилетает в Москву и в Большом театре будет петь куплеты Эскамильо в опере Бизе “Кармен”: “И ждёт тебя любовь, тореадор. Да, ждёт тебя любовь!”